

ИВАР РАВИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Гендерфлюид

Ивар Рави

Гендерфлюид

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66109602

SelfPub; 2021

Аннотация

Проснувшись в отеле на Мертвом море, Саша не мог предположить, что стал жертвой научного эксперимента. Он очутился в чужой стране в женском теле, документов нет и ждать помощи не от кого. Пытаясь спастись от полиции и чересчур назойливых поклонников, он попадает в лагерь сирийских беженцев, где вступает в конфликт и наживает врага в лице саудовского принца. Страсть и опасность для жизни идут рука об руку: похищение, бегство, насилие. На этом пути есть как враги, так и друзья, готовые отдать жизнь за прекрасную незнакомку. Но так ли прост наш "волк в овечьей шкуре"?

Содержание

Гендерфлюид. Книга первая: Зеноби	4
Глава 1. Петра	4
Глава 2. Превращение	14
Глава 3. Вживание в роль	30
Глава 4. Дважды в одну реку не войти	39
Глава 5. Денежные вопросы	48
Глава 6. Трудно быть девушкой	57
Глава 7. Рахим и Мария	68
Глава 8. Амман	83
Глава 9. Бегство	94
Глава 10. Разыскивается	104
Глава 11. Да придет Спаситель	115
Глава 12. Томительное ожидание и отъезд	128
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Ивар Рави

Гендерфлюид

Гендерфлюид. Книга первая: Зеноби

Глава 1. Петра

Вы никогда не были в Иордании, а именно в Петре? Если вдруг кто-то из вас попадет туда, обязательно внимательно осмотрите левую колонну главного храма. Пятно на ее боковой поверхности имеет непосредственное отношение ко мне и является ярким доказательством того, что животные инстинкты надо сдерживать, иначе не миновать беды. Но обо всем нужно рассказывать по порядку, не нарушая хронологии.

Я уже в сотый раз проклинал себя, что согласился на эту тупую экскурсию в Петру: ведь ничего не мешало наслаждаться холодными коктейлями в баре или просто плескаться в бассейне «Mövenpick Resort & Spa Dead Sea». Это далеко не последний отель на берегу Мертвого моря, и уважить постояльцев тут умели. И вот вчера я тупо попался на удоч-

ку местных гидов, что кружили меж постояльцев хищными ястребами, высматривая потенциальную добычу. Не знаю, как именно Рахим определил, что я клюну, но он не ошибся. Рассказывая о Петре, он закатывал глаза, жестикулировал, ссылаясь на то, что это новое чудо света. Как я могу лишиться себя счастья лицезреть сей дивный храм, высеченный в скалах? Разнообразить жизнь не мешало, и мною было дано согласие на участие в экскурсии к этому архитектурному ансамблю отчасти из-за того, что жизнь днем начинала приедаться своей монотонностью: завтраки обед перемежались водными процедурами и лишь ночью отель заживал полной жизнью.

Я прилетел в Иорданию на лечение, псориаз был моей давней проблемой и, хотя он меня особо не беспокоил, он напрягал моих партнерш, которые начинали тарашиться, стоило мне раздеться. Зачастую это даже приводило к тому, что минуту назад пылавшая страстью дама внезапно вспоминала про больного отца, не забранного ребенка из садика, не выключенный уют дома и так далее. После двух недель пребывания на Мертвом море в моем организме произошли довольно-таки значительные перемены: я мог кушать без соли (солью я был пропитан насквозь, стоило только облизнуть губы, как блюдо оказывалось в меру подсоленным), я приобрел неплохой загар, псориазные бляшки заметно уменьшились и практически не выделялись на коже.

Отдых на Мертвом море с иорданской стороны мне был

по карману, хотя выходил он дороже израильского сервиса. Но здесь имелась экзотика в виде восточных красавиц и масса неизведанного. В Израиле я уже бывал, ничего интересного или нового для себя не нашел: те же евреи, только в другой обертке. Помимо всего, напрягали беспрецедентные меры безопасности: из десяти встреченных на улице молодых трое всегда были при оружии, вход в любой ресторан или магазин проходил через рамку металлодетектора. И даже миновав все эти препоны, нельзя было быть уверенным, что обед или ужин не прервут назойливые сотрудники безопасности.

К своим двадцати шести годам я уже побывал во многих странах, и желание любоваться архитектурными памятниками не сжигало меня изнутри. Будучи экономистом по образованию, деньги и активы я считал главной достопримечательностью любой страны. При этом в ханжестве меня нельзя было упрекнуть, по крайней мере мои друзья и девушки считали меня вполне приятным собеседником и надежным другом.

Работал в Москве, в должности главного бухгалтера одной строительной фирмы, специализирующейся на внутренних отделочных работах. Мой шеф предпочитал нанимать узбеков и таджиков, расплачиваясь с ними по заниженным ценам. Моей же обязанностью было вести бухгалтерию для проверяющих органов, непосредственно с рабочими рассчитывался сам руководитель. Но последняя проверка выстави-

ла нам огромный штраф ввиду отсутствия зарплатных карт и лицевых счетов. Шеф попытался переложить вину на меня, хотя это было его прямым запретом и личным указанием. На этом фоне мы с ним разругались, у меня обострился псориаз. Я некоторое время ходил по врачам, в солярий, даже съездил к одной травнице и понял, что это эффекта не дает. Вот тогда Андрей и посоветовал мне съездить на Мертвое море, уверяя, что все его знакомые после визита сюда вылечились, и их кожа чиста, как у младенцев.

Я снова посмотрел в окно. Пустынные, безжизненные пейзажи дороги никак не вязались с энергетикой ночной жизни в отеле: каждый вечер после ужина на террасе открытого ресторана начиналось главное действо, танцы живота. Танцевали три девушки. Можно просто упасть со смеху, но все они были из бывшего Союза. Особенно выделялась Лина, татарка с Казани, уже третий год гастролирующая по Ближнему Востоку. Весну и осень она проводила в Иордании, летом танцевала в Бейруте, а зимой брала штурмом уличные подмостки Каира.

Целую неделю ходил на ее танцы, пока она не согласилась пообедать со мной. Обед плавно перешел в ознакомление с моей комнатой, гибкость и пластичность танцовщицы стала достойной наградой за мою настойчивость. Конечно, хотелось попробовать арабку, но именно с этим в Иордании было туго. В отеле арабки отдыхали, но подавляющее большинство из них – почтенные матроны, закутанные в черную

одежду и сопровождаемые противными отпрысками. Парень с Кавказа, приехавший на лечение, просветил насчет арабской эротики: ее следовало искать в Ливане, но в Ливан ближайшее время я не собирался. Пробовал подкатить к ливанке-христианке, работавшей в спа-центре. Но она гордо отказалась, показав палец с обручальным кольцом.

Безрезультатно сходяв на пальмовое обертывание, я устремил свой взор на соотечественниц, которые в свою очередь обращали свои взоры на арабов: все мы тянемся к экзотике.

От воспоминаний меня отвлек радостный гомон туристов, довольных тем, что дорога близилась к концу. Сидеть три часа в микроавтобусе и глазеть на пустыню— малоприятное занятие. И вот теперь, после долгой тряски, я бодро скакал по каньону в пустыне Вади Рам, чтобы лицезреть то самое, со слов Рахима, «охрененное чудо», именуемое Петрой. Несколько таких же, как я, недоумков, восхищенно вертели головами и кивали в такт словам гида, как китайские болванчики.

Путешествие в город Петра начинается с ущелья Сик, оно очень узкое. В древние времена здесь несколькими воинами сдерживалось целое войско, вражеских нападений на город было множество, и все они были отражены. В скалах вы сможете увидеть сотни усыпальниц, гробниц, жилых помещений... Именно по этому ущелью мы и спускались, сопровождаемые монотонным бормотанием Рахима:

– Самой главной загадкой достопримечательности Иордании является исчезновение населения много веков назад. В один момент город стал пустым, после этого случая здесь никто не живет, кроме редких кочевников. Весь этот город построен вручную, каждый камень обтачивался отдельно. Сейчас из скальной породы освобождена лишь часть Петры, но работы реставраторов продолжаются круглогодично... И так далее и тому подобное.

Как я вляпался в это дерьмо? Я всегда избегал групповых экскурсий, этого пережитка начала двухтысячных. Интернет дает куда больше информации о любой стране и ее историческом наследии, чем уста гида-самоучки. Тем не менее типаж туристов, покорно следующих за гидом и восхищенно ахающих при всякой ерунде, не переводится. Вот и сейчас они буквально впитывали слова Рахима, а одна из русских «Наташек» (судя по ее одежде и яркой, кричащей косметике), буквально ела его глазами. Возможно, ее сексуальные фантазии уже перескочили через Петру и были на пути к висячим садам Семирамиды.

По обеим сторонам узкого каньона нас приветствовали грубо высеченные скульптуры людей и животных. Периодически встречались каменные «карманы», и тогда гид, понизив голос и напустив в него таинственности, сообщал: «Именно тут разбойники поджидали и грабили караваны». Туристы тщательно начинали шарить глазами, видимо, надеясь определить, где разбойники могли закопать награб-

ленное, или на худой конец найти следы кровавой трагедии, разыгравшейся здесь тысячелетия назад. Сканирование ничего им не давало, и они устремлялись вслед за Рахимом.

В этом небольшом человеческом ручейке плыл и я, уже в который раз обкладывая себя матом за поспешность решений. Рахим же, вновь поймав полный вожделения взгляд одной из девушек, продолжал нести свою чушь, заметно воодушевившись:

– Еще одна достопримечательность Иордании, это мавзолей Эль-Хазне. Он является главным символом города Петра. На входе в мавзолей вас встретит огромная урна на фасаде. Считается, что раньше в ней хранились золото и драгоценные камни. Чтобы проверить, есть ли там ценности, бедуины стреляли из ружей, но золото так и не посыпалось. О стрельбе говорят небольшие дырки, видимые невооруженным глазом.

Как мавзолей может являться символом города, загадка. Это, как и дырки, был уже перебор, я даже скривился от мысли, что эту бурду хавают, да еще и добавки просят.

Наконец мы достигли Петры или, точнее, главной площади с гигантскими колоннами. Все это напоминало вход в какой-нибудь древнегреческий или римский храм, с той лишь разницей, что это барельеф, и размер его огромен.

Красиво, конечно, но вряд ли стоило ехать сюда, чтобы любоваться на это. Сделанного не воротишь, оставалось надеяться, что обратная дорога будет быстрее и приятнее, ведь

возвращаться домой всегда легче. Радостные туристы начали фотографировать место путешествия Индианы Джонса своими айфонами, андроидами и мыльницами, пытаясь запечатлеть сей радостный момент и себя в нем на фоне древнего памятника архитектуры.

Послonyaвшись пару минут без дела, я вновь осознал, что тащиться в такую даль поглазеть на эту хрень было крайне глупо еще и потому, что мочево́й пузырь давал знать о своем крайнем переполнении. И я не заметил ничего, что хотя бы отдаленно напоминало туалет. Я умолял его потерпеть, но упрямый мочево́й пузырь тем временем все активнее подавал признаки крайнего недовольства. Решение созрело сразу, и было оно в нашем духе: пока практически все туристы, вволю нафотографировавшись, окружили единственного здесь верблюда и принялись делать селфи на его фоне, я быстро подошел к колоннаде, которая на добрых полметра выступала из основной скалы. Лицом к скале, спиной к туристам, стараясь все делать плавно и незаметно, я расстегнул ширинку и, повозившись пару секунд, начал тихо пускать струю, стараясь не выдать себя ни звуком, ни позой.

Закончив и почувствовав, наконец, облегчение, я отошел от колоннады и, засунув руки в карманы джинсов, направился к туристам, которые по-прежнему фотографировались.

«Ни одной нормальной телочки», – мелькнула мысль после внимательно осмотра группы, что в данный момент ли-

бо доедала купленную на входе шаурму, либо уже постила в инстаграм и в Фейсбук отснятые фото, отмахиваясь от вездесущих торговцев. С досады я пнул камешек под ногами и почувствовал чей-то пристальный взгляд. И вот тогда я увидел его!

Этот местный старик был, вероятно, бедуином. Одетый в белую хламиду, с небольшой белой бородкой, весь высохший, он сидел на маленьком раскладном стуле и курил кальян. На голове его был намотан белый тюрбан, конец которого свисал ему на плечо.

Наши взгляды встретились, и меня пробрала дрожь. Его маленькие карие глаза смотрели на меня как из снайперского прицела. Старик глядел не мигая и напоминал змею перед броском. Я же, как загипнотизированный кролик, таранился на него в попытке понять, почему этот маленький и ничемный старикашка внушает мне такой первобытный страх. Даже не страх, а скорее, ужас, парализующий и мешающий трезво оценить ситуацию.

Воздух стал вязким, выкрики туристов в нем тонули, лишаясь смыслового значения. Готов поклясться, что мне даже показалось, что стоит оглушительная тишь, и посреди этой тишины я услышал: «Ant mlaon!»

Все это продолжалось секунд тридцать, может, чуть больше. Я встряхнул головой, наваждение исчезло, звуки ворвались в уши, словно они вмиг прочистились от пробок. Старик мирно сидел и курил, его взгляд был сосредоточен на

кальяне, в мою сторону не смотрел никто, туристы гомонили, общий шум разбивался на отдельные фразы, но что-то изменилось...

Глава 2. Превращение

Всю обратную дорогу этот неприятный старик не выходил из меня из головы. Дождавшись, когда вся группа расселась в трансфере, я позвал Рахима наружу, покурить перед отправлением и заодно узнать, что означают эти таинственные слова. Рахим попросил меня повторить фразу, причем лицо его меняло выражение от удивленного до испуганного.

– Ты ничего не путаешь? – вновь переспросил он, и я уже начал злиться, что меня не понимают. Ненавижу категорию людей, не въезжающих с первого раза, кому приходится повторять самые простые вещи.

– Рахим, не тупи! Я точно помню эту фразу, могу еще десять раз повторить, она и сейчас у меня в голове: ant mlaon, ant mlaon!

– Хватит, не повторяй! – чуть ли не с плачем перебил меня Рахим. – Это как приговор, это значит, что ты проклят. У нас этих слов не говорят никогда. Считай, что от тебя я их не слышал! – закончил он и полез в микроавтобус, оставив меня в некотором недоумении.

«Двадцать первый век на дворе, а этот идиот про какое-то проклятие твердит. Вот уж точно, Восток – дело тонкое», – пронеслось у меня в голове, и я также сел на свое место и захлопнул дверь. Заурчал мотор, и мы начали свой путь в отель. Большую часть дороги я проспал, так как очень устал

от этой пыли, пустыни, стариков недоделанных и странно пугливых гидов.

Когда мы вернулись, уже стемнело: в Иордании быстро падает ночь, вот только солнце еще выше горизонта, а через десять минут наступает темень. Впереди маячила ночь с искрометными танцами живота, но дорога очень сильно утомила, спуститься в ресторан и зависнуть там казалось тяжелой физической работой. Наскоро поужинав, завалился на свою кровать размера king-size, даже не удосужившись одеться после душа...

Мне снился век этак четырнадцатый. Меня захватили китайцы за контрабанду пороха и, посадив в бочку, били по ней молотками. Но это был не сон, это был просто стук в дверь, стук тихий, несильный, но назойливый. Еще практически не проснувшись, я дошагал до входа: румбой как раз поднял руку, чтобы произвести очередную серию постукиваний, когда я рывком открыл дверь и попытался сфокусировать зрение. Первое, что я увидел, был поднос, на котором стоял стакан со свежавыжатым апельсиновым соком. Он покачнулся и грохнулся о пол, обдавая мое тело желтыми брызгами.

– Sorry, – сдавленно произнес румбой.

Я поднял на него глаза: цвет его лица стал буро-красным, зрачки расширились. Повторно сказав «sorry» каким-то неестественным голосом, румбой быстро развернулся и засеменял, не оглядываясь, в сторону лифта.

«Вот долбоеб, – пронеслось у меня в голове, – голого мужика, что ли, не видел? Или его мой размер так впечатлил», – усмехнулся я мысленно, закрывая дверь и левой рукой касаюсь предмета своей гордости...

Стоп!!! Левая рука не ощутила того, что должна была ощутить, и отработанное движение закончилось в низу живота в чем-то подозрительно мягком. Медленно опуская взгляд, я наткнулся на полушария груди, красовавшихся на моем теле. Ярко-коричневые соски горделиво смотрели на мир, как боеголовки ядерных ракет, а на месте мужского достоинства красовалась лишь поросль темно-каштановых волос.

– Блядь, все-таки сон! – облегченно рассмеялся я и закашлялся. Это был не мой смех. Точнее, смеялся я, но каким-то не своим голосом. Тембр был женским, новым для моего уха, но приятным, чарующим.

– Надо проснуться, это уже не смешно! Как же проснуться? Надо рвануться из оков видения, преодолевая его гипнотическое воздействие! Надо просто захотеть, у меня так бывало, я мог выбраться из собственного кошмара усилием воли! Стоп. Если это сон, почему я все вижу в цвете?! Я ведь не шизофреник! Это только шизофреники видят сны цветными!

Я рванулся к зеркалу, которое украшало огромный шкафы-купе: из него – или из сна – на меня таранилась двадцатилетняя девушка. Достаточно высокая, с очень неплохой фор-

мой груди, с каштановыми волосами до плеч, голубоглазая, с чувственными губами. Живот плоский, не тренированный в кубиках, просто плоский, без всяких кармашек. Бедра широкие, ноги стройные, длинные. Красивые такие ноги. Тут меня реально ошпарило: надо просыпаться или мне каюк.

Часть моего подсознания подсказывала, что это не сон, что он не бывает настолько детальным, но голос разума вопил, что и явью это быть не может! Нельзя заснуть двадцатишестилетним парнем, а проснуться двадцатилетней девушкой! Нельзя. Так не бывает!!!

Моя пачка сигарет лежала на тумбочке у кровати. Ну, хоть что-то знакомое в этой жизни! Я выбил одну из пачки, щелкнул зажигалкой и затянулся. Мой организм отозвался надсадным кашлем. Здравсьте, приехали. А где кайф? Где аромат? Воняло горелыми листьями. Такой запах бывает, когда дворники поздней осенью жгут листву. Откашлявшись, я дотронулся до тлеющей сигареты: палец пронзила боль и я рефлекторно сунул его в рот. Стоп! А вот этого я раньше не делал никогда! Никогда, ни при какой боли или ожоге, никогда я не совал палец в рот!

«Думай, Александр, – мысленно приказал я себе, – Думай! Ты либо в коме, либо под наркотиками, либо... Либо ты реально стал бабой».

Я не попадал в аварию, в меня не стреляли, наркотиками я не баловался. Я отчетливо помню, как вчера принял душ,

вон, одежда до сих пор раскидана по комнате по пути в душ. Мужская одежда, между прочим. Вот полотенце, которым я вытирался, а после швырнул в кресло. Мои вещи в шкафу, телефон на зарядке, чемодан на месте. Нет только меня!!!

Трясушимися руками я открыл свой паспорт: все верно, Светлых Александр Николаевич, 1992 г. р. С фотографии на меня смотрело такое удивительно знакомое, родное лицо. Вот это я, а не эта баба, у которой даже никакого члена нет. Верните мне его обратно немедленно! И член, и лицо! И тело тоже не помешает!

Стук в дверь прервал мои лихорадочные мысли. Я вздрогнул, как пойманный на месте преступления. Окинув взглядом комнату, не нашел ничего подходящего из одежды. Стянул с кровати простыню и закутался в нее, как в парной. Помня свою ошибку, осторожно приоткрыл дверь.

Мой давешний оконфузившийся румбой вновь прибыл с подносом, сияя как начищенный ботинок. На подносе стояло два стакана с соком и лежала роза. Честное слово, это была очень красивая роза. Наверное, каждая девушка мечтает получить такую к завтраку.

– Я приношу свои извинения за неосторожность, мисс. Отель в качестве извинения преподносит вам этот маленький комплимент, – произнес румбой, имени которого я не помнил.– Мы не знали, что у господина Алекса есть гостья, еще раз прошу прощения.

С этими словами румбой, немного склонив голову, протя-

нул мне поднос. Мне пришлось шире приоткрыть дверь, чтобы принять его, а проклятая простыня, которую я не успел нормально завязать, начала предательски сползать с меня. Но на этот раз румбой не растерялся: как только я сделал шаг назад, он захлопнул дверь, и в этот момент простыня окончательно упала.

Я поставил поднос на столик. Глотнул сока, покосился на розу.

Итак, что мы имеем? Все мои вещи на месте, в зеркало вижу девушку, бесспорно, хорошо сложенную и симпатичную, но девушку. Надо будет позже детально себя рассмотреть, не каждый день получаешь новое тело. Стать на несколько лет моложе – хороший бонус, если бы это не изменило пол, но что имеем, то и эксплуатируем. Румбой принял меня за гостью Александра. Какого именно типа гостью, понятно без слов. Так, надо успокоиться, истерить нельзя, всему должно быть логическое объяснение!

Мама! Надо позвонить маме. Внешность и голос может обмануть кого угодно, но только не мать. Беру айфон, набираю номер. Долго идут гудки, наконец слышу родное:

– Сынок, как ты, как твой отдых?

– Мама, – прошептал я, боясь говорить громко или вообще сорваться. Стараюсь придать голосу мужской тембр. Но обмануть маму, даже на расстоянии, было нереально.

– Да, Сашка, что с твоим голосом? Или ты дурачишься? Напился? Разыграть решил чуть свет?

В ее тоне слышалась тревога. Как бы не принялась обзывать всех, прося узнать, что со мной.

– Мама, я не дурачусь! Мама, я хотел услышать твой голос! – теперь уже окончательно сглупил я, забыв, что женский голос ее скорее напугает, чем успокоит.

– Девушка, я не знаю, кто вы, но прошу вас, отдайте трубку моему сыну, – в голосе мамы слышался металл.

– Он не может подойти, он в душе, – брякнул я. А что мне еще оставалось делать? Пытаться объяснить матери, что ее сын стал девушкой? Да какая мать в такое поверит?

– Я передам ему, чтобы он вам перезвонил, – торопливо закончил я, пока мама не продолжила расспросы, и нажал на кнопку отбоя, понимая, что этим звонком скорее создал дополнительную проблему, чем внес ясность.

Несколько часов я был на грани истерики: метался по комнате, в сотый раз останавливаясь перед зеркалом, надеясь увидеть там настоящего себя. Перебрал в голове сотни вариантов, но ни один из них не давал ответа, что со мной произошло. Как и не было ответа на извечный русский вопрос: "Что делать"? Обратиться к администрации отеля? Или сразу в полицию? В глубине души я понимал, что возможно это правильный вариант, но оставалась надежда, что это перевоплощение временное. Точнее, мне хотелось в это верить. Около десяти минут я ругался, вспоминая все известные маты, досталось всем, даже мне самому. Трудней всего было поверить, что девушка, отображающаяся в зеркале, я и есть. Как

за одну ночь могла произойти такая метаморфоза, это было выше моего понимания. Нужно было занять мозг и руки, чтобы в мозгах не произошел перегрев. Устав слоняться и ругаться, призадумался о дальнейших планах.

Можно было плакать и истерить до второго Пришествия, но проблему это не решало. Придется какое-то время побыть в женском теле, пока не пойму, что со мной приключилось и как вернуть свое собственное.

Надо провести ревизию своих вещей и определиться с дальнейшими действиями. В наличии у меня имелись две рубашки, джинсы, две футболки, сменное белье, две пачки презервативов, влажные салфетки, ремень, бейсболка, полотенце – в отеле был полный комплект, не понадобилось вытаскивать. Бритвенный прибор, запасная зубная щетка, вачер на заселение в отель, водительские права. Кроме этого, пара рубашек, футболка в номере и вчерашние джинсы. Я ехал сюда налегке, думал при необходимости прикупить здесь все необходимое.

Так, бумажник и кредитка. Что у меня в наличии? Триста сорок два динара и две бумажки по сто баксов. На кредитке – сто двадцать две тысячи рублей. И оплаченный отель на неделю с полным пансионом. Есть обратный билет, электронный, но он на имя Александра, а я девушка без документов. Даже если супер постараться, не заgrimировать меня под себя. Пиздец. Мой рост сто восемьдесят сантиметров, телосложение худощавое, вес всего семьдесят восемь кило-

грамм. Не знаю, сколько я вешу сейчас, но нутром чую, таможенникам не прокатит.

Так, мне надо одеться! Беру рубашку, одеваю, застегиваю три пуговицы, низ рубашки перекручиваю и связываю узлом. Не пойдет, рубашка почти однотонная, льняная и тонкая, соски из-под ткани так и торчат. Иордания хоть и светское государство, но боюсь, такой дизайн не оценят. Вторая рубашка была хлопковой, чуть плотнее материалом, и вся в принтах. Помните, продавались такие рубашки с принтами англоязычных газет? Так, эта пойдет, принты скрадывают фигуру и соски вроде не видны, если только не делать тщательной ревизии. Платьев женских у меня, разумеется, нет. Взгляд упал на джинсы.

Натягиваю – и утопаю по длине. А если сделать из них шорты? Перочинным ножиком скорее пилю, чем разрезаю одну штанину, потом вторую. Что вышло? Как я ни старался, длина одинаковой не получилась, есть разница примерно в сантиметр.

Надеваю заново – в принципе неплохо сидит, резаные края немного размочалить и, если не присматриваться, разница в длине не видна. Посмотрел в зеркало – что ж бывает и хуже, чем порой одеты наши девушки на курорте. Крутанулся, немного тесновато в попе, практически в обтяжку. Само собой, никакого белья на мне нет, и это меня несколько напрягает. Надел сланцы – великоваты, да и цвет черный, мужской. Смотрится все это, мягко говоря, не айс.

Теперь надо решиться выйти из комнаты, дойти до магазинов, располагающихся на первом этаже отеля, или до пары торговых павильонов через дорогу. Взять динары или доллары? Доллары универсальны, в любой точке мира котируются.

Открыл дверь, осмотрелся, в коридоре ни души. Медленно иду к лифту, ощущения странные. Как будто впереди чего-то не хватает, а сзади с избытком. Скосил глаза через плечо назад – самая обычная попа, ничего не висит и не тянет вниз. Дверца лифта открылась и из нее вышла арабка лет пятидесяти, закутанная в многочисленные одежды. Она скользнула по мне глазами, но слова не проронила и пошла направо, я же зашел в лифт и нажал на кнопку. Выйдя в холле, вначале растерялся: в фойе расположились туристы, среди них и Рахим, очевидно вновь агитировавший туристов. Все они как по команде посмотрели на меня, и если во взглядах наших, а может, и не наших ребят не было особого интереса, то во взгляде Рахима был – липковатый, оценивающий, примеряющийся.

– Девушка, вы в отеле живете? А как вас зовут?

Рахим оторвался от туристов и шагнул ко мне. Понимая, что мне не удастся все время избегать вопросов, я решил ответить и заодно посмотреть, сработает ли легенда, придуманная мною еще в номере.

– Я знакомая Александра, приехала вчера вечером. Доб-

рого вам дня, – и я немного поспешно двинулся по направлению к магазину.

– Алекс не был на завтраке, он здоров? – спросил некто в шортах и белой футболке, что сидел, развалившись в кресле. Этого парня я помнил, он был с Кавказа, пару раз я с ним разговаривал так, ни о чем, и на пляже пересекались.

– Алекс поехал с утра в Амман, будет, наверное, ближе к вечеру, – ответил я и торопливо пересек то пространство, за которым дальнейшие разговоры становились невозможны.

В магазине женской одежды на Востоке традиционно не бывает мужчин-менеджеров или мужчин-продавцов. Я понятия не имел, как выбирать одежду женскому телу, на что обращать внимание при подборе туалета. Миловидная арабская девушка традиционно поздоровалась:

– Merhaba.

– Merhaba, – отозвался я, шаря глазами по стендам и полкам, чтобы понять, а что мне здесь, собственно, нужно. Продащица, увидев мое замешательство, спросила на английском:

– Can I help you with something?

Я стал подбирать фразу для ответа, матюгнулся, задев попой стойку, а девушка просияла и спросила:

– Are you from Russia?

– Yes! – выдохнула.

– Mary! – громко позвала она кого-то. Из боковой две-

ри, вероятно, подсобки или склада, выглянула светловолосая девушка. Арабка что-то сказала на своем, и светловолосая, улыбнувшись, спросила:

– Ты русская?

– Да, русский, то есть русская, – исправился я, вспомнив, какого пола человеком теперь являюсь.

– Меня зовут Мария, я с Кишинева, работаю здесь уже четыре года, – проговорила Мария, протягивая мне руку.

– Александр-р-р... А, Александра, – я пожала сухую, теплую руку продавщицы и, не давая ей времени удивиться тому, что путаю свой пол, спросил:

– Ты не могла бы мне помочь с одеждой? Дело в том, что мой багаж потерялся в аэропорту, а доставить его обещали лишь через пару дней.

– Без проблем, Саша. Можно, я буду называть Сашей? Александра звучит очень длинно и официально, – девушка улыбнулась, улыбка была честной, открытой, я невольно улыбнулся в ответ:

– Без проблем!

– Так что ты хотела купить?

Мари преобразилась, теперь она не напоминала простенькую девушку. Передо мной стоял хищник-менеджер.

– Я бы хотела купить джинсы, пару футболок, б-б-белье...

Слово «белье» мне далось с запинкой, но Мария это восприняла нормально и по-своему.

– Ты, наверное, думаешь, будет ли здесь что-то приличное? Уверяю, оно есть, это в основном реплики брендов, но качество отличное. Какой стиль, цвет, особые пожелания? – Мария двинулась к стеллажу с трусиками и лифчиками.

– Мне, а-а-а... А на повседневное ношение. А что ты можешь предложить?

Я переложил муки выбора на девушку, и она с энтузиазмом начала набирать охапку женских вещей. Мари всучила мне несколько комплектов белья и показала кабинку для переодевания. Задвинув за собой шторку, я быстренько развязал узел на рубашке и, немного помучавшись с зацепом лифчика, надел первый образец на полушария груди. Ну как, надел...

Завести руку за спину и застегнуть лифчик для меня оказалось неразрешимой проблемой. На память всплыла картина, как одна из моих девушек надевала этот предмет гардероба, соединяя крючки на животе, а потом переворачивала, просовывала руки в петли и надевала. С третьей попытки у меня получилось. До сих пор я только снимал лифчики с девушек, надеть пришлось впервые. Пошевелился и понял, что я как в колодке, появилось чувство нехватки воздуха. Снял. Примерил второй, телесно-розового цвета, и не с такими плотными чашками. Дышалось легче.

– Как ты там? – послышался голос Марии. – Выбрала? Я тебе джинсы и футболки принесла.

– Да, все хорошо, – отозвался я, боясь, что девушка загля-

нет и увидит, что на мне нет собственного белья. Все-таки она не полезла в примерочную и терпеливо дожидалась снаружи.

Но комплимент не преминула отпустить, стоило мне открыть занавеску, чтобы забрать из ее рук джинсы и футболки:

– А ты прямо модель, – восхищенно произнесла она, окидывая меня взглядом. – Только не понимаю, зачем тебе бразильяна, тебе стринги надо, а еще лучше танга подойдет, – она разглядывала трусы, выбранные мной, примерку которых я планировал в номере .

– Я же на отдыхе, – с нервным смешком ответил я, не понимая, насколько это правильный ответ в данной ситуации. Судя по молчанию, девушку ответ удовлетворил. У меня возникли сомнения, что я в них смогу влезть в джинсы, голенища казались уже рукавов рубашки. Но джинсы сели на меня, сели так плотно и хорошо, что я несколько раз покрутился перед зеркалом, не слишком ли вызывающе они на мне сидят.

Примерил футболку и первую, и вторую, обе были ничего и смотрелись неплохо. Выйдя из примерочной, я увидел Марию уже у кассы, обслуживающую кого-то. И только подходя к ней, вспомнил, что и обуви у меня нет. Выбрал простые женские сандалии, на манер древнеримских.

Свою старую рубашку и шорты я решил взять с собой, вдруг пригодятся. Мария, отпустила покупательницу, подо-

шла ко мне:

– Сандалии не подходят, – сказала она, осмотрев меня.

Порывшись в куче обуви, выбрала мне другие, практически без тесемок, этакая подошва и две поперечные загогулины на месте пальцев. Я не стал спорить, я вообще хотел взять кроссовки, но их в магазине нет, к тому же я не знал, во сколько обойдутся мне покупки.

– Двести девяносто динаров, – озвучила наконец Мария, и я отсчитал три сотни из своих имевшихся.

– Сдачу не надо, – сказал я, надеясь, что девушка оценит мой жест. И было это сделано из чисто корыстных побуждений. В этой стране у меня нет друзей, и я надеялся извлечь какую-то пользу из доброжелательной русскоязычной соотечественницы.

– Шухрат! ой, спасибо, – рассмеялась девушка, а потом продолжила: – Столько с арабами общаюсь, что уже думаю на арабском.

– Мари, ты когда заканчиваешь работу? – спросил я.

– В шесть, а что?

– Я хотел-л-ла пригласить тебя посидеть в кафешке.

– На территории отеля нам нельзя быть вместе с постояльцами, но через метров сто от него есть небольшой ресторанчик. Мы можем встретиться в полседьмого, если хочешь, – обрадовалась девушка.

– Отлично, – мне понравилось, что она так охотно поддержала контакт. – Я буду ждать тебя. Значит, в полседьмого у

ресторанчика? Буду ждать в начале седьмого.

– Ок, – Мария замялась, словно хотела что-то добавить, но в этот момент в магазин вошла пожилая супружеская чета, и продавщица поспешила к ним с дежурной улыбкой.

Положив свои старые вещи в пакет, который мне выдали бесплатно, я вышел из магазина и только тогда ощутил дикое чувство голода. Время близилось к полудню, а я не ел со вчерашнего вечера. Желание поесть все-таки не победило осторожности, и я поднялся в свой номер, на счастье, не встретив никого по дороге.

Глава 3. Вживание в роль

Я какое-то время бесцельно слонялся кругами, пытаюсь сконцентрироваться и понимая, что я что-то упускаю. Стоп, мама. Она ждет, что я перезвоню, не хватало еще, чтобы она подняла тревогу. Взяв телефон, увидел, что мама звонила семь раз, кроме того, был еще пропущенный звонок от Андрея. Андрей – мой единственный близкий друг и палочка-выручалочка в то время, когда я оказывался на мели.

Так, вначале мама. Я быстро набрал текст в Ватсап: «Мама, прости за глупый розыгрыш утром, у меня все хорошо. Ну, почти. Разболелся зуб, отекла вся щека, врач все сделал, но рекомендовал не разговаривать и не нагружать едой несколько дней. Отдых отличный, скоро приеду, не переживай, родная. Андрей заедет за машиной, пусть забирает. Документы в моей комнате, в нижнем ящике стола. Все, целую».

Надеюсь, что мама поверит и не станет названивать, во что бы то ни стало пытаюсь услышать мой голос. Она воспитывала меня сама, отец умер рано от рака легких, хотя никогда в жизни не курил. Будучи студентом, он переболел туберкулезом, очень берег свое здоровье, но вредная работа на оборонном заводе его доконала. Мы не знали, чем именно занимался отец, но пенсию по потере кормильца мама получала солидную, которая позволила нам при ее мизерной зарплате

библиотекаря нормально жить.

Мама всегда жалела, что отец так рано ушел из жизни, она хотела еще и девочку. Я рассмеялся. И вот теперь мечта мамы осуществилась, но согласится ли она получить дочь ценой потери сына? Не думаю. Так, я отвлекся, мне надо не упиваться воспоминаниями, а решать, как жить дальше. Теперь надо наконец сконцентрироваться и решить, что мне делать дальше.

Итак, что я имею? А имею я весьма недурственное тело молодой девушки, которое, кстати, мне не терпелось внимательно осмотреть, больше ста тысяч рублей и свои мозги, которые, к счастью, не растерял. Чего у меня нет? Псориаза у меня теперь нет, принеслась откуда-то нелепая мысль. Но не такой же ценой! Нет у меня ни документов, ни малейшего понятия, как вернуться домой и как жить дальше. Это тело постоянное или временное? Кому оно принадлежало? Где мое собственное тело? Как я очутился в собственном номере, если тела тут не было?

Видел я фильм про обмен телами парня и девушки, но они были соседями и могли контролировать действия друг друга. В моем случае есть только неизвестность и полное непонимание случившегося. Да что такого со мной произошло, что я в одночасье сменил пол? Кому перешел дорогу, на какие высшие силы покусился? И как мне себя вести, чтобы в глазах окружающих выглядеть девушкой, а не медведем в жен-

ском теле? Вразумительного ответа в голову не приходило, и я начал вспоминать все поступки в своей жизни, которые могли повлечь за собой столь суровое наказание. За что вообще мстят так жестоко?

На ум приходила только месть обиженной девушки. Но я всегда расставался красиво, честно, не было слез и упреков, не бывало истерик. Мертвое море, при всей его целебности, волшебными свойствами не обладало, лечило псориаз и витилиго, но реинкарнациями не занималось, по крайней мере такие факты науке доселе неизвестны. У девушек столько заморочек: маникюр, эпиляция, месячные... Ужас, месячные! Когда они бывают, насколько это больно, как долго это длится? У меня не было ответов на такие вопросы. Что еще я мог сделать в моей жизни настолько плохого? Мысли метались как сумасшедшие: дом, работа, девушки, шеф, с которым поругался, сбитая собака на Подушкинском шоссе, море, Петра, старик с кальяном.

Старик! Я начал покрываться мурашками, вспоминая пронзительные карие глаза старика, и в голове снова прозвучало: «ant mlaon». Рахим говорил, что это проклятие. Но за что? Я ведь никого не задел, никого не оскорбил, не покушался на святыни. Стоп. Святыни. А может ли считаться Петра святыней? Я ведь там на колонну справил нужду малую. Но это абсурд! Наверное, я не первый, кто так сделал, и что-то я не слышал о переселениях душ из-за мочеиспускания не к месту. Но это единственное, что могло быть,

ведь никаких других контактов со святынями, или с магами, или с чародеями у меня в жизни не было! А может, это старик виноват?! Но это просто старик, это не старик Хоттабыч, а местный бедуин, подрабатывающий розничной торговлей сувенирами. И лампы Алладина я у него не заметил.

Однако все это превращение случилось после визита в Петру. Может решение проблемы лежит на поверхности? Съездить снова в Петру, отмыть обоссанную колонну и извиниться перед стариком! Чем я рискую, несколькими часами поездки, а если сработает? В таком случае все возвращается на круги своя, и можно будет вновь наслаждаться жизнью. В любом случае, ничего иного мне в голову не приходило.

Я пошел в душ, решив ополоснуться перед обедом. Не удержавшись, подошел к огромному зеркальному шкафу, чтобы внимательно рассмотреть себя. А смотреть, если честно, было на что. В первый раз, будучи в шоке, я практически не обратил внимания на детали. Девушка, то есть я, была чертовски хороша. Небольшой, чуть вздернутый носик. Полные чувственные губы, густые волосы, густые ресницы. Плавные изгибы шеи, зубы в прекрасном состоянии, ровные, белоснежные. Трудно определить размер груди, если она у тебя оказалась впервые, но я предположил, после замеров рукой, что это второй размер. Грудь была упругой, лифчик скорее держал ее в тисках, нежели поддерживал.

«Вероятно, она занималась спортом», – мелькнула мысль

после ощупывания груди и живота. Ногти на руках и ногах ухоженные, аккуратные, короткие. Светло-бежевый лак, видимо, нанесенный недавно, выглядел красиво. У меня определенно была талия, плавно переходящая в бедра. А вот бедра мне показались немного широковатыми. Или это слишком придирчивый, субъективный, ээ-э.. женский взгляд? Возможно, так казалось на фоне узкой талии. Попа подтянутая и, насколько я мог видеть в зеркале, тоже очень красивая, выпуклая. А спереди, хм... аккуратный треугольник волос в зоне бикини притягивал взгляд, мужское естество не пропьешь. Удивительно нежная бархатистая кожа, без шрамов и татуировок, без ненавидимого мною и уродующего всех без исключения пирсинга.

Я остался доволен, такую девушку я не пропустил бы без внимания, видя ее со стороны. Только проблема была в том, что теперь эта девушка я, а сексуальных приключений на свою попу мне очень хотелось избежать. Мое состояние было похоже на слепого, внезапно обретшего зрение: в мире, оказывается, столько ярких красок! Это хорошо, что меня не закинуло в средневековье, где женщины были лишь чуть дороже домашней скотины, где свирепствовали чума и тиф, где даже короли купались лишь пару раз за всю жизнь. Мне, привыкшему к чистоплотности в мужском теле, было бы невероятно трудно в женском, да еще безо всех благ цивилизации наших дней.

Стоя под тугими струями воды, я размышлял: у меня в за-

пасе неделя, та неделя, что оплачена в отеле. Это при условии, что никто не заинтересуется исчезновением Александра и у меня не попросят объяснений, прежде чем выбросить на улицу. Потом надо съезжать, точнее, по плану, надо возвращаться в Россию, но без паспорта об этом нечего и думать. Наивно было бы думать, что можно пойти в посольство или консульство и выложить послу: – Здравствуйте, я Светлых Александр, приехал отдохнуть на Мертвое море, но моя душа вселилась в тело неизвестной девушки. Организуйте мне, пожалуйста, выезд на Родину, и поскорее. В лучшем случае меня пошлют на буй. В худшем случае посадят на этот буй и потом все равно пошлют. Ситуация была патовая, мне надо возвращаться домой, но как это сделать, нет никакого понятия.

Я тщательно намыллил грудь, любуясь тонусом, размером и формой. Рука скользнула в промежность: впервые за время моей жизни не последовало эрекции. Даже не верилось, что это мое тело. Такое красивое и такое незнакомое. Где-то в глубине таилась надежда, что это временное помутнение разума или глубокая кома, и все, что я вижу, следствие психотропного эффекта медикаментов. Но пока, ничего не поделаешь. Насухо вытеревшись и повязав полотенце на голову, я прошелся по комнате: картина, отразившаяся в зеркале, в другое время меня бы обрадовала, но сейчас была совсем другая ситуация.

«Интересно, а какие ощущения у девушек во время сек-

са? – заинтересовался и сам же себе ответил: – У тебя есть прекрасная возможность проверить, раз ты сейчас способен думать на такие темы». Так, Александр, соберись: надо срочно вернуть свое тело, а то перспектива узнать все прелести женской жизни становилась неотвратимой, пугающей, хоть и одновременно волнующей. Нужен план и нужны действия. Я съезжу в Петру и попробую расколдовать себя, если это смена тела связана с храмом. Если это не сработает, придется думать, как убраться из страны, пока не оказался в каком-нибудь борделе. Не надо быть ясновидящим, чтобы понять, чем заканчивается жизнь девушки без документов, особенно если она симпатичная.

Закончив манипуляции по сушке волос, я оделся. Взял гостевую карточку и, так как на часах уже было начало первого, решил спуститься пообедать. Надо было еще найти Рахима и договориться о поездке в Петру. Несколько раз прошелся по комнате, стараясь идти без выпендрежа. Может, это анатомия виновата или особенности моей фигуры, но попа двигалась очень сексуально, при том что я не прилагал для этого никаких усилий. Если так вилять задом, всех мужчин здесь за собой собрать можно! Надо стараться и идти как солдат, проглотивший шомпол от ружья, мне лишнее внимание ни к чему.

Рахим нашелся в фойе отеля в кружке из пяти-шести туристов, среди которых был толстяк лет пятидесяти с хвостиком, супружеская пара средних лет с дочкой-дошкольницей

и две ярко намалеванные девицы, основательно потасканные жизнью и, скорее всего, являющихся фанатами силиконовой перепрошивки организма. Рахим увлеченно рассказывал туристам о величии Петры, о ее роли в жизни кочевых протоиорданцев и прочую лабуду. Он был настолько увлечен, что не заметил ни меня, ни мои старания его безмолвно отвлечь. Пришлось бесцеремонно прервать:

– Рахим, я хотела бы поехать в Петру на экскурсию, Александр рассказывал, что там просто потрясающе красиво.

– Ок, выезд через два часа, а сам Алекс не поедет?

– Он еще не вернулся с Аммана, – пришлось соврать мне. Это был мой первый серьезный разговор в роли женщины и своеобразный экзамен.

Но что мог увидеть гид, глядя на меня? Красивую девушку, странно одетую, но в отелях чаще видели раздетых постояльцев, и одежда принципиального значения не имела.

– Девушка, а вы сами откуда приехали? – вклинился в разговор толстяк. Его маленькие глазки похотливо прошлись по моей фигуре, он даже немного подался вперед, из-за чего его футболка приоткрыла грудь, на мой взгляд, не уступавшую по размеру моей. Обрюзгшее лицо и расплывшееся тело, как следствие невоздержанного потребления спиртного и полного отсутствия физической нагрузки, не могли вызвать желания общаться.

– Из Подмосковья, – я сухо ответил, давая понять, что не настроен на дальнейшее общение. Толстяк открыл рот, соби-

раясь продолжить, но тут Рахим, видимо недовольный, что внимание с него переключилось на меня, влез в разговор:

– Выезд через два часа, собираемся у ресепшн, стоимость экскурсии восемьдесят динаров. Опоздавших ждать не будем! – Я кивнул Рахиму, давая понять, что информация принята. Он снова повернулся к группе слушателей, продолжая рекламу экскурсии. Не вступая более в ненужные мне диалоги, я пошел к ресторану.

У женщин лучше развито периферическое зрение и цветоощущение, я убедился в этом лично. Считается, что человек имеет третий рудиментарный глаз на затылке, так вот, это неправда. Третий глаз девушек располагается на попе: я прямо видел пятой точкой, как фокусируются взгляды Рахима и большегрудого толстячка в области моего крестца. «Как бы дырку не прожгли», – мысленно усмехнулся я, сворачивая за колонну и входя в ресторан.

Глава 4. Дважды в одну реку не войти

Система шведского стола в нашем отеле не отличалась от типовой, кроме одной приятной мелочи: каждый обед или ужин от шеф-повара одному из обедавших или семье преподносился «комплимент». За те две недели, что я был самим собой, такой «комплимент» мне не достался. Обычно это было второе блюдо, но иногда мог быть и десерт. Помня, что я теперь девушка, надеюсь временно, я не стал налегать на еду, набрав себе совсем немного салата и прихватив чашечку кофе. Но шикарнейший тирамису от шеф-повара был преподнесен именно мне под завистливые взгляды чуть ли не половины сидящих в ресторане. Я поблагодарил шеф-повара, который впервые лично принес свой комплимент, эта обязанность до сегодняшнего дня была на официантах.

Кусок не лез в горло под пристальными взглядами женщин, одна молодая симпатичная девушка так и вовсе зверем плялилась. Хотелось быстро доесть своей десерт и скрыться, но порассудив, что моей вины в выборе шеф-повара нет, я решил максимально долго наслаждаться десертом. Коварство и расчетливость в женщинах заложена с рождения, вот и я рожденный, только сегодня, хладнокровно упивался горечью соперниц. Но все равно, до назначенного выезда время еще оставалось. На море или в бассейн идти не было смысла, купальника у меня не имелось, да и о каком купании может

идти речь, когда земля горит под ногами?

Выйдя во внутренний дворик, я присел на скамейку в тени каких-то незнакомых мне высоких кустарников. «А если поездка не сработает? Что мне делать через неделю, куда идти, кого попросить о помощи?», – мысли крутились в голове. Я не заметил, что так сильно вцепился в лавочку, что побелели костяшки пальцев.

– Девушка, у вас все хорошо? Поставленный русский с еле уловимым кавказским акцентом. На меня смотрел тот самый парень с Кавказа, специалист по арабской экзотике, которого я видел утром в фойе девушкой и немного общался в бытность в мужском теле.

– Да, все хорошо, спасибо, – ответил я, принимая непринужденную позу.

– Вы, конечно, меня извините, но я, будучи врачом, заметил, что вы чрезвычайно напряжены, словно боитесь не на шутку. Меня зовут Тагир, у меня нет привычки отбивать чужих девушек, мой интерес чисто профессиональный, – он замолчал и продолжил:

– Если у вас есть проблема, просто можете довериться мне.

Он по-прежнему внимательно смотрел на меня. Смотрел, правда, на лицо, и взгляд был полувопросительный. Парень был широкоплечий, слишком светлый для южного парня, и что самое удивительное – голубоглазый, как и я.

«Ага, довериться кавказцу! Нашел дуру, точнее, дурака», – мелькнула мысль, но вслух я вежливо ответил:

– Спасибо большое, у меня все хорошо. Но если понадобится помощь, я обращусь. Мне не хотелось продолжать разговор, хотя неприятных эмоций парень не вызывал.

– Тогда приятного вам отдыха, – он пошел в сторону моря, размахивая небольшой пляжной сумкой. Все-таки врач... Мелькнула мысль спросить, возможно ли переселение душ при живых носителях. Но справедливо рассудив, что вряд ли врач является специалистом в области реинкарнации или чего еще там, я через пару минут забыл об этом разговоре.

Чтобы убить оставшееся время, зашел в магазинчик к Марии, чтобы сказать ей, что еду в Петру и вечером не успею с ней встретиться, и перенес посиделки в кафе на следующий день. Девушка немного расстроилась, мы минут пять поболтали о погоде, которая здесь всегда однотипно жаркая, потом, обозначив поцелуй в щеку, я направился к месту сбора, чувствуя себя полураздетым под взглядами мужчин-арабов, разгружавших чемоданы большой туристической компании из Китая.

В микроавтобусе нас было девять человек. Кроме тех, с кем Рахим беседовал в фойе, присоединились еще две молодые пары лет двадцати пяти. Всю дорогу они просидели обнявшись, шепча что-то друг другу на ухо. Периодически девушки – то одна, то другая – заливались смехом под неодобрительные взгляды остальных пассажиров. Толстяк продол-

жал сверлить меня глазами, отводя взгляд каждый раз, когда встречался с моим. Рахим на меня тоже посматривал внимательно. А я ведь сидел отдельно, в углу у задних дверей, где помещалось лишь одно кресло, так как микроавтобус был оснащен микролифтом для лиц с ограниченными возможностями.

Три часа изнурительной поездки, снова монотонное мелькание каменных пустошей за окнами, редкие встречные машины – и вот мы у входа в каньон Петры. Снова неторопливый спуск по каньону под заученное бормотание гида. У входа вновь продавали воду, мороженое и шаурму. Все закупились шаурмой и мороженым, я же, под недоуменными взглядами группы, купил пятилитровую баклажку воды. Платков у меня было целых два, надеюсь, воды мне хватит, чтобы помыть оскверненную колонну и вернуть свое тело. При всех достоинствах этого тела, родное было ближе и как-то привычнее. Вот так неторопливо мы дошли до главного храма Петры, высеченного в скалах.

Вчерашняя история повторилась в деталях: вспышки фотоаппаратов, айфоны, андроиды, шум, как на восточном базаре. Когда мои любители древностей наконец обратили свой взор на верблюда, я поискал среди местных вчерашнего старика. Однако его нигде не было. «Ну и буй с ним», – мысленно выругался я и пошел к месту своего мокрого дела. Желтовато-бурое пятно безмолвно свидетельствовало о вчерашнем моем непотребстве.

Открутив крышку баклажки и смочив платок, я принялся старательно тереть боковину, пытаюсь вернуть ей первоначанный облик. Клятая колонна увлажнялась, и только. Когда пять литров ушли как в песок, я понял, что ничего не изменилось: желтое пятно продолжало выделяться на сером фоне, еще яростнее обвиняя меня в осквернении святынь. Может, будь у меня под рукой чистящее средство, моя попытка была бы успешнее. Но «Фейри» тут не торговали, а взять что-то из отеля мне и в голову не пришло. Да и где гарантия, что это поможет? Все мои усилия прошли впустую. Колонна мгновенно высохла под лучами жаркого солнца, пятно вернулось в прежнее состояние, нисколько не изменив ни цвет, ни размер.

– Вы археолог? – голос прозвучал так неожиданно, что я подскочил на месте. Конечно, кто же это еще мог быть, как ни мой верный «поклонник»? Стоял себе рядом, весь усыянный бисеринками пота, шумно дыша и облизывая губы. Две шаурмы, купленные им на входе, уже отправились в его необъятный желудок, оставив на губах следы жира, на футболке крошки и пару килограмм на том месте, что у прочих зовется талией. Двухкилометровый спуск дался ему с трудом, судя по пятнам пота под мышками, на спине и на выпирающем животе.

– Нет, я – не археолог! – Тон, которым это было сказано, должен был не оставить ни малейших сомнений, что я не собираюсь длить разговор. Меньше всего в этот момент мне

хотелось разговаривать: попытка отмыть колонну провалилась, а я был близок к панике. Вероятность, что я снова превращусь в мужчину, стремилась к нулю. Так я наутро вновь проснулся в этом теле! Как в этой ситуации вести непринужденную беседу? Тем более с типом, внушавшим неприязнь как своим видом, так и поведением самонадеянного самца. Но толстяк не собирался сдаваться:

– Я тоже люблю артефакты, у меня на даче стоит статуя Аполлона, оригинал, мне друзья его из Греции привезли. У меня серьезные связи с греческим министерством культуры, – похвастался он, видимо, предполагая, что после этих слов я ему отдамся прямо здесь, на скалах Петры.

– Поздравляю, – с этими словами я быстрым шагом пошел к единственной урне, находившейся здесь, чтобы выбросить испорченные носовые платки и пустую емкость. Толстяк замешкался, обозначил движение вслед, но рассудив, что со мной ему в скорости не тягаться, решил поупражняться в славословии с единственным соперником ему по зубам – верблюдом. Верблюд, раздраженный туристами, не оценил риторики, или тоже решил, что этот человек чересчур приставуч, и выразил свое отношение к происходящему смачным плевком в лицо собеседника. Чертыхаясь и проклиная весь арабский мир, толстяк начал чистить щеки и без того грязным платком, выуженным откуда-то из глубин необъятных штанов. Пара человек не удержалась от смеха, в то вре-

мя как основная масса старательно отворачивалась. Толстяка смех людей оскорбил больше плевка верблюда: он с матом обрушился на них, тем самым подтвердив теорию Дарвина, что некоторые люди все же произошли от обезьян.

Я еще раз прошелся по небольшой площадке перед храмом, но вчерашний старик как сквозь песок провалился. Я нашел лишь отметины от ножек раскладного стула, на котором сидел бедуин. И что мне теперь делать? На площадке перед храмом было много торговцев, продающих безделушки, но никто из них не видел старика с кальяном. Я начал внутренне паниковать, где искать этого старика, как его найти среди арабов, которые все на одно лицо.

– Как вам Петра? – голос Рахима вывел меня из задумчивости.

– Это волшебное место! Такое бывает только в сказке, – я практически не покривил душой. – Когда мы выезжаем? Поездка ни к чему не привела, и мне не терпелось попасть в отель, где можно будет принять душ и спокойно обдумать дальнейшие действия.

– Сейчас пять-десять минут, когда все соберутся, пойдем к трансферу, – Рахим хоть и показывал заинтересованность, но делал это неназойливо. Может, боялся реакции Александра? Арабы, они не конфликтные, на рожон не лезут.

Выход из каньона на площадку к микроавтобусу шел на подъем, незначительный, но затяжной, практически те же два километра. Шумное дыхание толстяка сопровождало нас

на протяжении всего пути. Имея такой лишний вес и слабое здоровье, он все же поехал на Петру. Какая у него была необходимость? Неужели из-за меня? Мысль показалась интересной и в то же время тревожной. Мне теперь все время придется вести себя настороже?

Обратная дорога не отличалась ни разнообразием, ни интересными моментами: только оплеванный верблюдом толстяк периодически раздевал меня взглядом. Видимо, он решил так или иначе произвести на меня впечатление. Но раз «так» у него не получилось, то с «иначе» был полный порядок. Впервые в жизни я посочувствовал девушкам. Знать, что тебя оценивают как товар, видя лишь сиськи да попу... Приятного в этом, честно скажу, мало.

В отеле я наконец освежился и решил немного расслабиться. Сегодня должна была танцевать Лина, и после ужина я спустился на террасу открытого кафе. Большинство столиков уже было занято, преимущественно арабскими семьями, где женщины наравне с мужчинами курили кальян. Без кальяна в арабских странах не обходится ни одно заведение, это неременный атрибут каждого из них.

Заиграла музыка, на сцену под ритмичную восточную музыку, плавно, гибко и сильно, как пантера, выскочила та, что пару дней назад делила со мной ложе. Монисты, висающие на украшенном топе и юбках, звенели в ритм движений, то убыстряясь, то замирая. Скользя между столиками, Ли-

на мимолетно посмотрела мне в лицо и прошла дальше, кокетливо трясая бедрами и играя животом. Но сейчас, глазами девушки, я видел нечто иное. Пару лишних килограммов, неидеальное, по сравнению с моей, состояние кожи, избыток косметики и непропорциональное тело со слишком короткими ногами. Что за черт? У женщин лучше развито цветоощущение? Да у них сканирующее зрение и, заодно, детектор лжи – я четко видел, что движения Лины порой не попадают в такт музыки. А ведь она мне казалась богиней ритмики и пластики.

Я вернулся в номер с головой, опухшей от забот: мир стал ярче, но говна в нем стало больше. И говно это шло рядом, впереди, позади, не стесняясь обсуждать мои части тела достаточно громко для того, чтобы я все отчетливо слышал. Неужели и я был таким же.

Глава 5. Денежные вопросы

Утро мудренее не стало: попытка возврата в свое тело с помощью отмывания колонны не сработала, где искать проклятого старика, я не имел понятия. Вчерашняя поездка ни на йоту не приблизила меня к моей цели, а вероятность моего долговременного пребывания в чужом теле многократно возрастала. Это влекло за собой массу проблем, самой насущной из которых была необходимость укрепить мое материальное благосостояние. Мало того, что вчера пришлось трястись почти шесть часов в оба конца, так еще и возможность встречи с Марией была упущена. Все откладывалось на целых два дня, которые мне надо прожить, не привлекая к себе лишнего внимания.

А попробуй его не привлечь, если ты сногшибательная красотка на берегу моря в полном одиночестве. Мужики уверены в одной непреложной истине: девушка на море едет одна только для того, чтобы перепихнуться подальше от глаз родителей, парня или мужа. И чем больше их пытаешься в этом разубедить, тем меньше шансов, что тебе поверят. Я принимал душ, активно намыливая тело шампунем на основе солей Мертвого моря, и не почувствовал абсолютно ничего волнительного. Это была хорошая новость, значит, никакой трансформация сознания не произошло, и я по-прежнему оставался мужиком со стальными яйцами, пусть и без

их физического воплощения. Грудь на мои прикосновения реагировала без фанатизма, соски обозначились, но потом, словно поняв, что это ложная тревога, поспешно вернулись в режим ожидания, а я продолжал размышлять о первостепенных задачах.

У меня в запасе пять дней, чтобы определиться с дальнейшими действиями. Моих скромных средств не хватит надолго, а без денег за границей ты пустое место вне зависимости от пола. Требовалось срочно пополнить активы, а сделать это можно было лишь двумя способами: получить деньги на карту, или... Взгляд остановился на плакате с изображением аппетитной женской попки. Да нет же! Вариант с «или» я отменил сразу, продажа тела была в моих глазах самым наименьшим и недостойным делом. Значит, вариант один – получить средства из дома, и я уже начал работать в этом направлении.

Высушив волосы феном – оказалось, что волосы до плеч требуют куда больше времени на сушку! – и надев чистую футболку, я определил приоритетные задачи на день: увеличить количество денежных средств, докупить одежду на всякий случай, закупиться женскими штучками типа средств гигиены и косметики. Даже находясь в чужом теле, нельзя запускать себя, есть вероятность стремительно уйти на дно.

Так вот, насчет денег. Хорошо, что Андрей давно просил меня продать ему мой Ниссан Кашкай. Его жена в нее просто влюбилась, она давно пилила супруга и подбивала ко мне клинья. Почему именно моя машина? Да потому что, хоть

она и четырнадцатого года, зато ладная, аккуратная, и в нее вложена уйма сил и средств, проведен чип-тюнинг, керамическое покрытие и еще масса всего. Маму я предупредил еще вчера... Продавать машину было жаль, но иного варианта быстрого получения средств у меня не имелось. Можно, конечно, обратиться к маме, но, боюсь, после вчерашнего, просьба о деньгах, да еще высказанная не вслух, а в эсэм-эс, ее лишь укрепит в подозрении, что я в беде. А тогда она начнет бить во все колокола, и чем это обернется для меня, неизвестно, но точно ничем хорошим.

Продолжая расхаживать по комнате – на месте сидеть не хватало спокойствия – я торопливо набирал: «Привет, как дела, Андрюха? У меня здесь появилась очень интересная бизнес-идея, срочно нужны деньги. Как насчет Кашкая? Если твой интерес в силе, машина продается, только учти, деньги нужны сегодня. Никаких глупых вопросов, если согласен, напиши», – конвертик упорхнул к адресату.

Я укусил покрашенный ноготь. А если Андрей не захочет купить машину? О таком думать не хотелось, потому что других вариантов даже не просматривалось. У меня, конечно, есть еще друзья, но среди не было таких людей, кто готов был выдать неограниченный кредит непонятно на что и непонятно зачем, да еще и без личного общения. Никогда не задумывался о накоплениях, будучи холостым, жил в свое удовольствие, считая, что экономить на себе, родном, просто глупо. Не знаю, жалеть сейчас или радоваться, что жил

неплохо. Андрей ответил сразу, предложение о продаже было принято на ура. Мы послали друг другу еще несколько эс-эмэсок, Андрей вызвал меня по видеозвонку, но я отклонил вызов, заметив, что нахожусь не один. Большой палец друга, поднятый вверх, говорил, что мой расчет верен. Андрей наверняка решил, что в данный момент я с девушкой. Я нервно хихикнул. Так и было, только с небольшой поправкой: я был не с девушкой, а в девушке. Конечно, можно было загнуть цену, но полмиллиона за четырехлетний кашкай, да еще в моем положении, казалось весьма приемлемой суммой.

«Деньги – на карту, паспорт – на Ватсап», настучал я и неторопливо вышел из номера, намереваясь отправиться в магазин. Но, втянув носом вкусные запахи, все-таки решил поесть, чтобы не ходить голодным до обеда. Да и за время завтрака магазинчик никуда не убежит, верно? Я раздумывал над яичницей, какой-то местной кашей и парой легких салатиков. Выбор еды, конечно, был больше, но я не из тех людей, что используют фразу «все включено» как путь к обжорству. Слава богу, количество наших туристов, сходящих с ума по шведскому столу и халявной выпивке, уменьшалось год от года. Это крайне омерзительное зрелище, когда пузатый мужик в плавках и шлепанцах с пляжа заходит в ресторан, накладывает целый поднос еды, а потом все это запивает халявным второсортным пойлом. Со временем культура туристов стала улучшаться, но и сейчас можно увидеть такую картину, особенно в отелях Турции и Египта.

Съев яичницу и выпив чашечку кофе, я заметно повеселел и уже бодрым шагом направился к выходу из ресторана, но не тут-то было. Тушу, перекрывающую весь проем, я узнал по запаху быстрее, чем увидел. В этот раз толстяк нарядился внеимоверного размера бермуды и яркую, цветастую гавайскую рубашу. Шаблон «руссо туристо» был выполнен на все сто. «Хорошо, хоть не в трусах приперся», – мелькнула мысль, когда попытался обойти его, но тщетно. Легче было бы перепрыгнуть, но увы, мои прыжковые данные не достигли таких выдающихся результатов, а в новом теле не стоит и начинать.

– Доброе утро, красавица. Мы до сих не представились друг другу, –дохнуло на меня дешевым перегаром. Вино с утра? Определенно, этот человек ни в чем себе не отказывал, и его назойливость по отношению ко мне начинала раздражать. Не дождавшись ответа, он важно продолжил:

– Меня зовут Сергей Викторович, я начальник отдела инновационных разработок в «Ростехе», мы – хе-хе! – почти полные тезки с боссом. Тебе наверняка неизвестно, но мы движемся в самом перспективном направлении развития России двадцать первого века: нанотехнологии, нанороботы, электромобили. Мы, так сказать, лицо России в условиях жесткой конкуренции на мировом рынке передовых технологий.

Произнеся сию фразу, мой толстячок, теперь уже обретший имя и новое лицо, выдержал паузу. Видно, давал мне

время то ли для ответа, то ли для осознания его величия и понимания моей ничтожности на фоне его фундаментальности как в прямом, так и в переносном смысле.

– Александра, – был вынужден ответить я, тщетно пытаюсь пройти мимо этого мастодонта, закрывшего весь проем. Так и не найдя возможности протиснуться мимо него, я обратился с просьбой к гранду отечественной Силиконовой долины: – Я ужасно спешу, продолжим разговор в другой раз. Пропустите, пожалуйста.

Медленно, как стрела башенного крана, Сергей Викторович сдвинулся в сторону и я, благополучно миновав и его амбре, и центнер жира, поспешил в магазин. Я чувствовал спиной и чуть ниже пристальный взгляд толстяка. Видимо, придется привыкать, что каждый второй раздевает тебя глазами. Да как живут с этим девушки, которым приходится терпеть общение с такими типами? Никогда об этом раньше не задумывался. Вот ведь надо же было попасть в женское тело, чтобы понять, что жизнь молодой и красивой девушки не всегда усыпана лепестками роз.

В магазине меня ждало разочарование: у Мари был выходной, а из продавщиц – только две молодые арабки. Проведя в магазине более полутора часов, я приобрел необходимые для этого тела предметы гигиены, простенькую косметичку, женское платье-сарафан на бретельках длиной по колено, отдельный купальник сине-красного цвета, рубашку, пару маечек, два набора нижнего белья и сандалии-лодоч-

ки. Кроме того, по наитию – не знаю, что меня натолкнуло – купил полный комплект традиционной местной арабской одежды, состоящий из шароваров, огромного платья, которое одевалось, как капюшон, и головного платка, в который можно было меня всего укутать. Еще мне нужны были кроссовки, но их не было. Кроме того, хотел взять еще другие джинсы, более свободного кроя, но и с джинсами меня ждал облом.

Вернувшись в номер, я задумался. Нельзя вот так сидеть внутри, это будет выглядеть более чем странно. Я попытался отмыть колонну, съездив повторно в Петру. Расспросы про старика тоже ничего не дали. Торчу безвылазно в номере, а это уже очень подозрительно. Веду себя не как "руссо туристо", так можно доиграться, что стану слишком привлекать внимание. Надо выйти и смешаться с толпой, делать то, что делают мои соотечественники. Наши туристы удивляли всех, загорая даже в обеденное время. После нескольких дней пребывания на море они ходили красные как раки, пугая окружающих своими ожогами. Обгорать мне не хотелось, но принять водные процедуры и позагорать в тенечке решетчатого деревянного зонта желание появилось. Для определения плана действий мне нужна была Мария, но она придет только завтра, а значит, сегодня мне оставалось только есть, спать и валяться на пляже.

С купальником пришлось повозиться несколько минут, чтобы отрегулировать тесемки и добиться комфортного при-

легания. Он сел идеально, выгодно подчеркнул высокую грудь и узкую талию, восхитительную бразильскую попу. Я даже залюбовался, вертясь перед зеркалом. Сверху надел легкоснимаемое платье на бретельках, так как до автоматизма моим женским навыкам переодевания было далеко, а возиться там, в кабинке, слыша возмущенную очередь, не было желания. Платье пришлось снять и разгладить утюгом, изъятым из шкафа. Гладить я умел, в армии приходилось, да во время учебы не всегда удавалось переложить глажку на девушек.

Я кинул в сумку солнцезащитный крем и вспомнил, что мои очки мужского фасона, но вновь тратить деньги совершенно не хотелось. Полотенца выдавались на пляже, поэтому я взял бутылочку воды, что ежедневно выдавались в отеле, двинулся в направлении моря, но, уже закрывая дверь, услышал, как тренькнул телефон. Матюгнувшись, вернулся в номер, чтобы по сообщению сбербанконлайн увидеть, что стал богаче на полмиллиона деревянных. Андрей свою часть договора выполнил, и я, сфотографировав свой старый паспорт, отослал ему с поздравлением по поводу успешной покупки. Ухмыляющиеся рожицы пришли в ответ: Андрей был крайне доволен и, видимо, посчитал, что я прогадал с продажей, такое объяснение мне пришло в голову, глядя на его смайлы. Недолго думая, отослал ему смайлик с комбинацией среднего пальца, гордо направленного вверх.

Произведя в голове конвертацию рубля в местную валю-

ту, прикинул, что у меня примерно шесть тысяч динаров, что могло хватить примерно на год безбедной жизни в этой жаркой стране. Надо будет узнать у Марии, есть ли возможность купить в этой стране ID, чтобы хотя бы временно обрести статус легального жителя, пока не решу вопрос с возвращением на родину и в свое тело. Дав себе обещание померить аппетиты с тратой денег, надел очки, посмотрел на себя в зеркало и остался доволен увиденным.

Теперь – загорать, нечего прохладиться в комнате, если под носом море и денежные вопросы на ближайшее будущее решены. Конечно было боязно идти и купаться в море в купальнике под взглядами мужчин, но ведь девушки купаются. Что я выиграю, сидя в четырех стенах? Затворничество может сыграть против меня, если горничные доложат, что в номере безвылазно торчит девушка. Взвесив все аргументы, пришел к выводу, что риск в купании есть, но он не превышает риска затворничества.

Глава 6. Трудно быть девушкой

К пляжу от центрального корпуса шла извилистая дорога. По бокам располагались бунгалло для частного отдыха с персональными названиями. Один из самых больших занимал некогда очень популярный российский певец, я его уже видел раньше. С ног до головы покрытый псориазом, он, со слов персонала, дважды в год лечился в этом отеле.

Идти на пляж было легко, дорога все время шла с небольшим спуском, это вот возвращаться приходилось на подъем. За те две недели, что я отдыхал здесь, всегда шел пешком, хотя от корпуса к пляжу сновали маленькие багги. Управляли ими арабы с obsługi отеля. Ловко лавируя между отдыхающими, сверкая белоснежными улыбками, они практически все время носились туда и обратно. Сами они не останавливались передо мной, а тормозить их с просьбой подвезти мне было запахло.

На середине дороги находилось кафе с террасой, где танцевала Лина и где я был завсегдатаем еще пару дней назад. Днем кафе не работало, но на красивой террасе всегда было полно любителей фотографироваться.

Минут семь неторопливой ходьбы, и я уже на пляже. С апреля по конец мая и с сентября по конец октября в Иордании на Мертвом море высокий сезон, найти пустой лежак довольно трудно, особенно если в отеле есть русские. Наши

умудрялись с утра прийти на море, позагорать полчаса и, оставив полотенце на лежаке, вернуться в отель, чтобы после завтрака или обеда снова вернуться к морю. Вышколенные работники не позволяют себе снять полотенце, ведь, по логике, возвращающиеся с пляжа сами сдают полотенца. Если оно на лежаке, значит, хозяин или в море, или на пляже, или, на худой конец, получает консультации у немецкого доктора в маленькой лечебнице прямо у входа. Мне повезло, свободных лежаков было много.

«Наверное, наши отдыхающие выехали», – мелькнула мысль. Если раньше мне пляж казался очень даже ничего, то теперь я подмечал иное: неудобным был вход в море, дно каменистое, обрывистое. Стоит неудачно наступить, и царапины на ногах обеспечены. А порезы в соленой воде заживали долго и щипались крайне неприятно. Отдыхающие покупали специальные сланцы, чтобы беречь ноги, были они и у меня, но большого размера и мужского фасона, пришлось оставить в номере. Конечно, работники расчищали дно каждый день, набирали лечебную грязь в специальные емкости, расставленные прямо на берегу, и собирали острые камни. Возле каждого прохода всегда толпились входящие и выходящие из воды.

Я взял полотенце, нашел себе отдельно стоящий лежак и, положив сумку в изголовье, пошел в море. Осторожно ступая, боясь порезать ногу о кристаллы соли, осевшей на камнях, вошел в воду до пояса и осторожно погрузился, стараясь

не плескаться. Плотность воды в Мертвом море столь высока, что можно лежать на поверхности и читать газету. Но если раньше это меня прикалывало, то теперь я выставлял себя на всеобщее обозрение: лежишь на спине – грудь вздымается, маня похотливые взгляды; переворачиваешься на спину – торчит попа, заставляя мужской контингент фантазировать.

Понежившись минут десять – больше не рекомендуется врачами – я вышел, смыл с себя соленую воду и с удовольствием растянулся на лежаке. Постепенно обсыхая и смотря на голубое небо через солнцезащитные очки, я плавился на теплом солнце, отогнав все тревожные мысли, наслаждаясь теплым ветерком с моря. Но не прошло и пяти минут, мое уединение было нарушено: Сергей Викторович собственной персоной, пыхтя как паровоз, подтянул пустой лежак чуть ли не вплотную. Совершив сие героическое усилие по передвижению предмета мебели, светлое будущее России в ее инновационной составляющей зычно подозвал к себе мальчишку из официантов пляжного бара. Дождавшись, когда тот замер в вопросительной и учтивой позе, он обратился ко мне с присущей ему фамильярностью:

– Александра, душечка, что вы будете пить? – Делать вид, что я его не вижу, было глупо, но пить из рук этого толстяка, претендующего на роль «папика», мне совершенно не хотелось.

– Спасибо, мне ничего не надо, – я вежливо отказался. Сквозь солнцезащитные очки мне было хорошо видно, как

пристально смотрит Сергей Викторович на мою грудь. Видимо, он ее уже мял в своем воспаленном воображении, и мои слова для него прозвучали не по плану.

– Ну что вы, Александра, я же от чистого сердца. К тому же это вас ни к чему не обязывает. Не дожидаясь моего ответа, он дал указание официанту на ломаном английском языке. Я усмехнулся про себя, услышав заказ: только дегенерат будет пить виски на пляже и заказывать девушке мартини. Мы же не на светском рауте. Совок из некоторых людей так и не вытравить ничем. Вот такие они, «хозяева жизни», воровать научились, отгрохали особняки, сидят на премиумных машинах, а элементарных знаний ноль, воспитание совсем ни к чему, главное, бабло есть, а все остальное они думают, что купят.

Хорошо прогревшись, я перевернулся на живот, досадуя на это ненужное мне соседство: теперь будет пялиться на попу. И хотя я не был ханжой, но именно его взглядов мне хотелось бы избежать. Не знаю, то ли солнце меня сморило, то ли это сказались две полубессонные ночи, но я практически сразу задремал. Проснулся от легкого прикосновения. Сергей Викторович, протягивая мне мартини, как бы невзначай коснулся моего плеча и возможно, даже задержался на пару секунд. Может быть, прикосновение было животом, огромным кулем, свисавшем вниз, но дремота тем не менее была нарушена.

– Сашенька, ваш мартини, – озвучил он содержимое рюм-

ки.

«Сашенька, надо же. Как быстро я стал Сашенькой!» – меня несколько позабавила попытка укоротить дистанцию между нами. Никогда не чувствовал в себе тяги к мужскому полу, и попадание в женское тело, мою ориентацию не изменило. Он мог становиться на колени, петь серенады, доставать Луну с неба: но я не собирался вступать в интимные отношения с мужчинами, а он был бы последним человеком на Земле, если бы я передумал.

– Сергей Викторович, спасибо, но я не буду, – вежливо и твердо ответил я.

– Почему?! – удивился он, не понимая, как кто-то может отказываться от дармовщинки.

– Я не пью спиртного, – сказал я спокойным и холодным голосом, чтобы расставить все точки над «i».

– Да разве это спиртное? Это же практически сок! – полуобиженно, полуутвердительно протянул мой визави и, не дождавшись моего ответа, поставил рюмку на деревянный пристенок моего зонта. Ну когда уже этот боров в своем заплывшем жиром мозгу уяснит, что стандартный вариант «напиться и трахнуть» здесь не пройдет?!

Я попытался сделать вид, что полностью погружен в принятие солнечных ванн. Сергей Викторович попытался завязать разговор, но получив в ответ односложные «да» или «нет», оставил свои бесплодные попытки. Этот мастодонт шумно вздохнул и побрел в сторону моря, видимо, решив

охладить свои эротические фантазии. Может, понял, что ответов, подразумевающих возможность продолжить разговор, от меня не дожидаться?

Наверняка в момент его купания уровень воды так поднялся, что специалисты-маринологи радостно отметили. Мертвое море прекратило мелеть или, более того, начался возврат к нормальному уровню воды. После его ухода стало немного свежее, видимо, он загораживал мне ветерок, дувший со стороны моря. Увидев, что вышедший из моря Сергей Викторович сполоснулся в чистой воде и уже приближается ко мне, я встал с намерением снова окунуться в воду, полагая, что он хоть немного повалится на пляже.

Каково же было мое удивление, когда я вновь увидел рядом с собой этого мастодонта. Он лежал на спине, и его огромный безобразный живот свисал по бокам. Встретившись со мной взглядом, он радостно помахал мне рукой, перевернулся на живот и по-собачьи, не брызгаясь, начал сближение. Я в тот момент также находился на спине, но спешно перевернулся на живот и начал потихоньку отгребать, стараясь незаметно двигать руками. Скорость кашалота, приближавшегося ко мне, была явно выше, и я, понимая, что одними руками не обойтись, подключил ноги.

Однако Мертвое море имеет свои верхние и нижние течения, траектория которых не поддается логическому объяснению. Вместо того чтобы отдалить меня, оно вначале повернуло направо, а потом и вовсе потянуло назад. остано-

вился я, уткнувшись в мягкое и холодное тело Сергея Викторовича. Запаниковав, я сделал мощный толчок ногами по лягушачьи, стараясь не попасть в него, и меня наконец отнесло на пару метров.

Представляю себе картину, открывшуюся перед самым носом толстяка: девушка пытается уплыть, дрыгая ногами враскорячку, при том, что вся попа, прикрытая лишь клочком материи, торчит из воды и просматривается очень хорошо. Что я не ошибся, понял по липкому и мерзкому взгляду толстяка, вернувшегося следом за мной к лежаку. Решив, что это последнее купание сегодня, лег обсохнуть, злой на себя за этот досадный промах.

Прислушиваясь к негромкому людскому гомону, снова незаметно провалился в сон. Второе пробуждение было куда более мерзким: я проснулся от ощущения, что по моей попе гуляет муравей или что-то более тяжелое. Приподнявшись, я увидел, как Сергей Викторович с самодовольным лицом лапает меня за пятую точку, при этом второй рукой что-то мнет у себя в паху между складками жира. Его растопыренная пятерня по-хозяйски трогала меня за попу, практически незащищённую узкой полоской купальника.

«Вот тварь!» – я еще не до конца осознал, что делаю, когда с силой вклеил этому извращенцу оплеуху по мерзкой, самодовольной роже. Пощечина прозвучала как выстрел: голова ростеховца мотнулась, а скорости, с которой он отдернул руку, могла позавидовать змея.

– Ты мудака недоделанный, я тебе глаза вырву, жопу на британский флаг порву. Тварь ты озабоченная, иди маму свою лапай, ублюдок, – слова из меня вырывались со свистом, с шипением. Я не хотел привлекать лишнего внимания криком на весь пляж, потому что мой статус сам по себе был неопределенным. Сергей Викторович растерялся, его рот открывался в попытке возразить или оправдаться, моя пятерня алела на его щеке, а его маленькие пугливые глазки бегали по сторонам.

Может на этом все и закончилось бы, если бы я, не схватив принесенный мне мартини, не выплеснул бы ему его в лицо. Попав на слизистую, даже слабый алкоголь вызывает сильную боль. Так и случилось: сидевший, как нашкодивший кот, толстяк вскочил с места и, одновременно оглашая криком окрестности, стал тереть глаза. Потом, сообразив, что нужно промыть водой, покатился к душу. Затем так же резво вернулся обратно, показывая высочайший уровень культуры и собственную ничтожность, заорал на весь пляж:

– Ты сука конченная, шалава подзаборная, да я тебя сгною, ты у меня в ногах будешь просить прощения, обувь будешь целовать! Сама со мной флиртуешь и строишь из себя целочку! Под черножопыми ложишься, а со мной даже говорить не хочешь?! Да ты же проститутка, я тебя, шалава, насквозь вижу! – его словесный поток был схож с ним самим, грязный и дешевый.

Я молча натянул свое платье через голову на не успевший

высохнуть купальник, взял свою сумку и под заинтересованными и даже осуждающими взглядами отдыхающих – нет, ну вы представляете, под осуждающими! – двинулся в сторону отеля. Я миновал весь пляж, где были немцы и наши россияне. До меня все еще доносились угрозы и мат моего неудавшегося папика, когда мой мозг выхватил одну фразу из словесного говна, обращенного в мой адрес: «Строишь из себя целочку...»

Я даже злиться перестал. Интересно, я девственница или нет? И как это проверить? Не совать же мне пальцы себе внутрь, тем более я не понимаю, что именно при этом должен почувствовать. Я европейка, это факт, мне примерно двадцать лет плюс минус два года. Тело прекрасно сформировано, и кто знает, чем занималась его обладательница в прошлом. А если она была проституткой или стриптизершей? Не вернется ли мышечная память к телу и не потянет ли меня на приключения?

Додумать мне не дал багги, остановившийся рядом, лишь только я перешел с полоски пляжа на дорогу, ведущую к отелю.

– Садитесь мисс, – ослепительно улыбнулся водитель араб, не обращая внимания на недовольные взгляды платиновой блондинки в откровенном купальнике, сидевшей рядом.

– Thanks, – я отрицательно мотнул головой, добавляя убедительности словам. После слов Сергея Викторовича хоте-

лось интуитивно держать подальше от местных. Араб, улыбаясь, кивнул и покатил дальше. История повторилась через минуту, но уже с другим багги. Этот водитель был куда назойливее и куда наглее. Мне пришлось трижды сказать ему «нет», и все это время он облизывал меня глазами, при чем так сильно, что мне срочно захотелось в душ. Выходит, независимо от национальности, все мужчины одинаковы в своем стремлении заполучить халявное тело.

В третий раз багги остановился примерно метрах в восьмидесяти до главного корпуса, но в этом случае сам араб, понимая, как нелепо выглядит его желание подвезти меня, уехал не упорствуя. Может, девушкам и было бы приятно такое внимание, но я не девушка! Мое мировоззрение не изменилось ни на йоту, я брутальный мужик в нежном женском теле. Очень надеюсь, что временно – не в нежном, пусть будет какое есть, но в женском.

В номере я вновь специально погладил себя по груди, то сжимая, то чуть оттягивая сосок: обычные тактильные ощущения прикосновения, никаких бабочек в животе, никакого жара между ног, ничего. Хорошо и то, что я не попал в тело старухи, что не стал плоскогрудой и плоскозадой девушкой типа метросекс. И уж вдвойне приятно в этой ситуации думать, как мужчина, и чувствовать себя мужчиной. Не добившись отклика тела на стандартный набор ласк, так любимых женщинами, я вздохнул, расслабляясь. Аллилуйя, я по-прежнему я, и никакое женское тело не сделает меня жен-

щиной!

Глава 7. Рахим и Мария

На обед я решил пойти в том же платье, в котором ходил на пляж. Пришлось снова его прогладить. В джинсах, конечно, было бы удобнее, но джинсы обтягивают, и это привлекает лишнее внимание. А мне хватает приключений и без этого.

В ресторане было многолюдно, основная масса туристов были из Германии, на втором месте по количеству шли мои соотечественники. Две силиконовые блондинки с огромными наманикюренными ногтями ели с безразличным выражением лица, словно чистили коровник, а не сидели за столом в ресторане, семейная пара не успевала делать замечания своим детям, все время вскакивающим с места.

Набрав в поднос еду и, найдя глазами свободный столик в углу, решительно двинулся к нему. Не успел подойти, как его заняли парень с девушкой, и другой свободный столик остался практически в центре ресторана. Пришлось устраиваться за ним. Лишь усевшись, я заметил по соседству моего многокилограммового «друга», который сидел в компании еще трех мужчин, по внешнему виду не сильно от него отличавшихся, если только не считать, что они были менее объемны. Вся четверка на минуту отвлеклась от еды, просканировала меня своими мутными похотливыми глазками, потом снова начала усиленно работать челюстями, изредка

перебрасываясь фразами.

«Пронесло», – подумалось мне, но оказалось, я недооценил мстительность заведующего отделом инновационных технологий. До меня доносились обрывки их разговоров, но, прислушавшись, понял, что речь шла обо мне. Я узнал о себе очень много нового: я оказался штатной подстилкой местных арабов, динамил нормальных мужиков, строя им при этом глаза и благосклонно принимая напитки. Разговор сопровождался хмыканьем, несложными восклицаниями типа «вот сука» и порой смешками. Это было предсказуемо, уязвленная гордость Сергея Викторовича требовала сатисфакции, и он нашел выход в обливании меня грязью, тем самым успокаивая себя в своей неудаче и позоре. Ярость вскипела во мне, как вода в чайнике. Несколько раз я порывался вскопить и хорошим хуком отправить эту тушу в нокаут, но вовремя вспоминал, что моих женских силенок может не хватить, а потренироваться негде.

Я уже практически заканчивал обед, торопясь скорее покинуть это злополучное место, когда одна фраза, сказанная особенно громко, привлекла внимание не только мое, но и доброй половины русских туристов в зале.

– Да я уверен, что эта сучка даже трусов не носит, чтобы облегчить работу черножопым. Знаю я таких, перед своими нормальными, русскими мужиками ломаются, а с этими черножопыми под каждым кустом трахаются. Эти чурки их брюхатят, а они потом посольство засыпают жалобами, что-

бы узаконить своих ублюдков и дать им гражданство России. Ты что думаешь, Василий, какого хера она приехала? Загорать, лечиться? Да хера с два, на экзотику, на обрезанный потянуло... Конец его фразы потонул в хохоте его товарищей. При этом засмеялись и две силиконовые дуры, сидевшие через столик.

«Никакой женской солидарности», – со вздохом горечи подумал я, а дальше все произошло спонтанно: руководствуясь эмоциями, а не разумом, я залез под платье и, чуть приподняв попу и поерзав на стуле, стянул с себя трусики, купленные мной у Марии. При этом мне пришлось обнажить бедра довольно прилично, но это уже было неважно. Встав из-за стола и повернувшись к Сергею Викторовичу, чеканя каждое слово, я произнес на весь зал:

– Как же вам не дают покоя мои трусы! Вот они, посмотрите хорошенько! Боюсь, что у вас разовьется комплекс неполноценности, так что дарю их вам при свидетелях! Нюхайте на здоровье! Можете даже съесть! – Хороший замах – и, пролетев полтора два метра, трусы попадают прямо ему в лицо, цепляются за кончик носа и, словно нехотя, соскользают прямо в его столовую тарелку, на огромный бифштекс.

Вот теперь ресторан грохнул: смеялись даже немцы. Не надо понимать русский язык, чтобы оценить иронию, эмоции зачастую более емки, чем любые слова. Сергей Викторович попытался вскочить, но забыл про багаж в виде огромного живота. Он опрокинул стол и, пытаясь удержать его,

грохнулся на пол сам, потеряв равновесие. Если на падение немцы реагировали сдержанно, то официанты схватились за животы. Однако, продолжая давиться смехом, помогли ему принять вертикальное положение. Взгляд униженного Викторовича, который я поймал, выходя из зала ресторана, не сулил мне ничего хорошего. Что, впрочем, и подтвердилось через час, когда раздался стук в дверь.

Я как раз отдыхал, прокручивая случившееся в ресторане и коря себя за глупость. Меня развели как лоха, спровоцировав на необдуманный поступок. За дверью находился менеджер отеля Аббас Шишани, как значилось на его бейджике, за его плечом испуганно маячил Рахим. Аббас вообще не знал русский, я плохо знаю английский, поэтому вся беседа длилась через Рахима. От меня потребовали покинуть отель в течении часа. Сдать ключ и гостевую карточку. На все мои заверения, что номер оплачен еще на пять дней и я имею право здесь находиться, мне было резонно замечено, что номер оформлен на господина Светлых. Отель благосклонно относится к гостям, но до той поры, пока их действия не выходят за рамки приличий. Еще раз повторив, что через час я должен покинуть отель, для наглядности постучав по циферблату наручных часов, менеджер удалился.

Вот теперь я запаниковал. Будь у меня паспорт, не составило бы проблемы заселиться в любой отель поблизости, но паспорта не было, был только Рахим.

– Ты не знаешь, никто в вашем поселке не пускает кварти-

рантов? – спросил я. – Мне не хочется жить в отеле, эти отели проводят антифеминистскую политику, – я всхлипнул пожалостливее. Интуиция подсказывала, что он пальцем не пошевелит ради мужчины, но ради девушки постарается прыгнуть выше жопы.

– Ты можешь жить у меня! – обрадованно выпалил Рахим.

– Исключено! Рахим, ты очень хороший человек, но ты сам понимаешь, что это невозможно, – мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не сорваться. И этот туда же! Да черт побери, неужели на мне вывеска висит «Бери кто хочет»?!

– Александра, ты не поняла, – замахал руками Рахим. – У меня, это значит в хостеле, там живут многие сотрудники отеля. Это в километре отсюда, и цена очень небольшая. Моря там, конечно, поблизости нет, но комнатки вполне хорошие, все удобства есть. Только хозяев с животными не пускают, а так очень прилично.

– А ты знаешь Мари, продавщицу с магазинчика, который в отеле? Она случайно не там живет? Мой вопрос немного смутил Рахима и, помедлив секунду, он ответил:

– Конечно, знаю. Мы долго жили вместе, но сейчас у нас период, когда мы отдельно. И да, она живет в том же хостеле. Я и сам там живу, но сейчас много туристов и мне разрешили ночевать в отеле, чтобы все время быть под рукой.

– Рахим, а там есть свободные комнаты?

– Там всегда есть комнаты, это же не пятизвездочный

отель, да и от моря далековато. Ответ меня вполне устроил. Оставался лишь вопрос, согласится ли он отвести меня туда вместо того, чтобы вешать лапшу туристам. На мой вопрос Рахим ответил утвердительно, добавив, что никакие деньги не заставят его отказаться от помощи такой красивой девушке. «Кобелина», – сделал я себе отметку мысленно. К нему не стоит поворачиваться спиной. Но больше мне не к кому было обратиться за помощью, так что и выбирать было не из чего. Конечно, жалко оставлять отель с оплаченным номером, но он и категоричность менеджера не оставляла места для двоякого толкования.

– Я спущусь через полчаса, подождешь меня в фойе? – мой вопрос был риторическим, тем не менее Рахим кивнул и пошел вниз, я же стал собирать свои вещи. Управившись за несколько минут, я переоделся в рубашку и джинсы, а платком из арабского костюма обвязался вокруг талии. Получилось нечто вроде парео, смотрелось скромно и со вкусом.

В фойе было пустынно, наступил час послеобеденного отдыха, и только самые стойкие туристы из России в это время могли шастать по территории. Но в этот раз практически никого не было, только семейная пара с детьми усиленно изучала рекламные проспекты, выложенные пирамидкой на столе. Рахим взял у меня чемодан, и мы пошли к его машине, выдавшему виды обшарпанному фольксвагену гольф то ли третьего, то ли четвертого поколения.

Ехали молча, получив односложные «да» или «нет» на

свои вопросы, Рахим больше не пытался разговаривать. Небольшой, аккуратный поселок Совайме, как значилось на табличке, по моим ощущениям находился куда больше чем за километр, пожалуй, за все десять... Мы подъехали к двухэтажному зданию, во дворе которого росли пальмы с голыми стволами и пучками чахлых листьев высоко вверху. Рахим посигналил несколько раз, и из двери первого этажа вышла пожилая женщина. Что-то недовольно бурча, она опустила цепь, заменявшую шлагбаум. Рахим припарковался под деревом и, сказав мне пока сидеть в машине, подошел к старушке. Минут пять они разговаривали, ожесточенно жестикулируя, потом он вернулся с довольной улыбкой:

– Комната есть, с удобствами, стоит всего двести тридцать динаров, пожалуй, в месяц. Рахим сиял как медный самовар. Я быстро перевел двести тридцать динаров в рубли, у меня получилось двадцать пять штук. А нехилая цена, словно в Одинцово двухкомнатную квартиру снимаю. Подозреваю, что в этой сумме находится и рахимовский немалый процент. Но в моем положении торговаться без вариантов, так что, сооротив благодарное лицо, я выразил свое положительное отношение к такой договоренности.

Рахим помог донести чемодан на второй этаж и сбегал за ключом. Комната, скорее, жилой отсек, состояла из маленькой кухни, совмещённого санузла а-лятурка, то есть отверстие в полу со сливом, и небольшой спально-гостинной комнаты три на пять метров. Я поблагодарил Рахима, пытаюсь

вложить искренность в голосе, и отсчитал ему динары из той тысячи, что снял в банкомате отеля. Выяснив, что комната Марии находится в следующем подъезде и тоже на втором этаже, я отпустил довольного Рахима рассчитаться с хозяйкой квартиры. Перед уходом он оставил мне свой номер для связи в случае чего.

А передо мной встали проблемы, которые я своим недоразуманным поступком просто ускорил. Пройдет пара дней, и отсутствие Александра в отеле заметят наверняка. Если раньше мама не поднимет тревогу. В любом случае у меня буквально два-три дня, чтобы снять с карты все деньги, потому что потом ее заблокируют. Когда выяснится исчезновение Александра, мое проживание в его номере станет ключевой уликой, а значит, мне надо уехать из Совайма самое позднее через пять-шесть дней, пока не раскрутилась бюрократическая машина. А тогда, спрашивается, какого черта я заплатил за месяц? Или я стал думать, как типичная блондинка, хотя по типуажу сейчас шатенка? Ладно, об этом поговорю с Марией, буду думать, как мне вернуть мои деньги.

Оставив чемодан в комнате, спустился во двор и поднялся на второй этаж к Марии. Звонка в двери не было, пришлось постучать. Дверь открылась не сразу, и Мария с заспанным лицом вытаращилась на меня:

– Александра?!

– Привет, не пропустишь меня?

– Да-да, конечно. Мария открыла дверь шире и посто-

ронила, пропуская меня внутрь. Комната ее была точной копией моей, единственным отличием был более обжитой вид, занавески на окнах, пара плюшевых игрушек и, конечно, стол, на котором стояла посуда. – У меня бардак, я не ждала гостей, извини... Мария, заметив мой взгляд, быстро подхватила грязную посуду и положила их в раковину. Взяла тряпочку, несколько раз протерла стол, потом – стул и предложила мне присесть.

– Саша, как ты здесь оказалась? Решила совершить экскурсию и посмотреть быт наемных рабочих в Совайме? – Мария улыбнулась. Я не стал умничать и честно рассказал, что со мной случилось за последние сутки. Про приставание старого борова, про его жалобу и про то, как мне предложили покинуть отель. Мария слушала внимательно, не перебивая, хотя видно было, что это ей дается нелегко.

– И вот так я оказалась здесь, оплатила квартиру, буду думать, что мне делать дальше, – закончил я рассказ. Мария помолчала секунду, словно собираясь с духом, и потом выпалила:

– Он тебя бросил?!

– Кто? – я ошарашенно посмотрел на девушку. Она была серьезна и явно не шутила.

– Ну, твой парень, Александр.

– Нет, Мари, дело совсем не в нем, но... – начал я убеждать девушку и поймал себя на мысли: «А если типа дело не в нем, то что тебе мешает позвонить „своему парню“ – и все

твои будут проблемы решены?» Я видел, что мой ответ не убедил Марию, и четко осознал, что мое единственное спасение и выход – рассказать честно все с самого начала. Если я начну со лжи, то вряд ли смогу рассчитывать на помощь. В горле пересохло от волнения, Мария выжидающие смотрела на меня, понимая, что я собираюсь что-то сказать и это что-то очень важное. Был риск, что девушка примет меня за сумасшедшую, но отступить было некуда, да и мне нужна была ее реакция. Если она не поверит мне, то можно ли рассчитывать на посольство России, куда я все же планировал обратиться с просьбой о помощи?

– Мария, не угостишь меня чаем? – спросил я, сглотнув. – Мне надо рассказать тебе что-то очень важное, очень личное, и у меня нет уверенности, что я не буду выглядеть в твоих глазах идиоткой. Мария, молча поставила чайник, вытщила пару стаканов и розетку со сладостями.

– Меня зовут Александр, я парень и мне двадцать семь лет, я приехал на лечение и уже две недели находился здесь. Потом я поехал в экскурсию в Петру. Там был старик, весь в белой одежде, куривший кальян. Мне очень захотелось отлить и тогда я... Мария сидела с открытым ртом, по ее глазам было явно написано, что по мне психушка плачет, причем плачет конкретно.

– Остальное ты уже знаешь, – закончил я и устало откинулся на спинку стула. Рассказ получился сбивчивым, немного перепутанным по хронологии, но всё, даже детали,

я озвучил. Мария подошла ко мне и положила руку на лоб, потом внимательно посмотрела в мои глаза. В ее глазах было сострадание и жалость. Ее следующий вопрос меня чуть не скинул на пол:

– Саша, ты приехала работать по эскорту и сбежала от них? Я часто слышала о девушках, которых обманом вывозят на работу за границу, вывозят работать в модельные агентства, а попадают они в публичные дома. У них забирают документы, их держат взаперти. Вот почему у тебя нет документов. Можешь мне довериться, я никого никогда не осуждаю, сама не безгрешная. Мы можем обратиться в посольство, я думаю они помогают таким девушкам, но то, что ты мне рассказала, это бред!

– Чистая правда! – я даже вскочил со стула. – Мария, как ты могла подумать, что я шлюха?! Разве я похожа на них?! Впервые за все время пребывания в женском теле в моем голосе была истерика.

– Ты очень красивая, – уклончиво парировала девушка, давая понять, что ее предположение насчет эскорта верное. И тут меня прорвало: заплакал, заплакал против своей воли, заплакал навзрыд, по девичьи. Сказывалось напряжение всех этих дней, чужое тело, чужая страна, да будь все это проклято!

Мария опешила, потом обняла меня и прижала к себе, поглаживая по волосам и приговаривая:

– Поплачь, моя девочка, тебя отпустит. Но так же внезап-

но, как начал плакать, я успокоился, внутренне ненавидя себя за эту слабость.

– Я не девочка! И столько уверенности и воли было в этих словах, что в глазах Марии я заметил смятение, ее непоколебимая уверенность в своих словах пошатнулась. Я стал развивать успех, рассказывая о своей семье, о своих девушках, о своих пристрастиях. Я рассказывал и рассказывал – о своем первом сексуальном опыте, о службе в армии, о своих корешах. О том, что нравилось мне в прошлой жизни и что я не переносил на дух. И это все были мужские привычки и мужские темы. Чтобы окончательно ее добить, показал смс-переписку с Андреем с первого дня приезда в Иорданию.

Мария, похоже, поверила, или, по крайней мере, она уже ни в чем не была уверена.

– Сердцем я тебе верю, но понять всего этого разумом не могу, – призналась она. – Живу здесь четыре года, но никогда не слышала ни о чем подобном. Да и никто, наверное, не слышал.

– Мария, мне надо вернуться домой, но я не знаю, как это сделать без документов.

– Может, обратиться в посольство? – предложила Мария.

– И что я им скажу? Привет, я парень, но в теле девушки, а попал туда сам не знаю как? Нет, я не думаю, что они поверят. Пошлют куда подальше, если чего не хуже. Даже ты мне не веришь до конца. А они если решат помочь, должны установить мою личность, сделать запрос в Россию. И кто я?

Какая у меня фамилия, где я жила, кто мои родители? Меня не существует. Мария, меня просто нет на этом свете. Я не могу сказать, что потерял паспорт, ведь где-то он выдается, значит, остаются копии, записи. И на какую фамилию, и в каком городе их искать? А если тело девушки не из России? Тогда искать как? Интерпол подключать? Да они, скорее, меня в террористки запишут и пустят в расход.

На протяжении моего монолога Мария сидела неподвижно, а потом вскочила.

– Я знаю, как ты можешь попасть в Россию!

– Как? – я с надеждой уставился на нее.

– Мы сделаем тебе здесь паспорт, за деньги здесь можно сделать все, и потом устроим тебе фиктивный брак с русским туристом. И ты, как законная жена, въедешь в Россию. Мария торжествующе посмотрела на меня после своих слов.

– Мария, это бред, – я слабо улыбнулся. – Пройдут месяцы, прежде чем мы сможем сделать паспорт, если вообще сможем. И потом, где мы найдем мне фиктивного мужа? И почему он должен согласиться? На границе его и меня ФСБ так отсканирует, что он даже расскажет им про свой подростковый онанизм, а меня заберут как шпионку. Нет, этот вариант мог пройти в начале двадцатого века, но не сейчас. Я, конечно, придумаю, что мне делать, но мне нужно время, чтобы все осмыслить и принять верное решение.

Перевел дух после долгого монолога и продолжил:

– Мария, я придумаю как это сделать, в конце концов, я

мужчина! – мне стало жаль эту девушку, на голову которой я свалился. – Сейчас для меня главное – снять деньги с карты, закупиться необходимым и найти подходящую берлогу.

– Но здесь не водятся медведи, – возразила мне девушка. – И зачем тебе берлога?

– Берлога, это так, просто квартира, – я улыбнулся. – Через какое-то время меня начнут искать как свидетеля или соучастника исчезновения Светлых Александра. А то, что я здесь, знает Рахим. Как думаешь, он скроет это, если его будет опрашивать полиция?

– Не скроет, – убежденно ответила Мария.

– Ты завтра работаешь?

– Нет, мы работаем два через два.

– Тогда завтра надо снять деньги и кое-что докупить. Потом посмотреть место, где схорониться, лучше всего в Аммане. В крупном городе живут разные люди, там легче затеряться.

Пока мы пили чай с арабскими мармеладками, я усиленно думал, как мне свалить домой, но, как назло, ничего умного в голову не приходило.

Попрощавшись с Марией, я вернулся в свою комнату, ничего делать не хотелось. Все равно, частично распаковав свои вещи, я решил пройтись до продуктового магазинчика: надо было купить хлеб, яйца, чай. Пока ходил в магазин и обратно, начало темнеть. Я сварил себе пару яиц и, вскипятив чай, поужинал. Несомненным плюсом женского орга-

низма была меньшая потребность в еде. Полежал в кровати, перебирая контакты в телефонной книге в поисках возможного спасителя, но не нашел ни одного, кто бы реально мог мне помочь. Так и не заметил, как провалился в сон, не раздевшись и не почистив зубы.

Лишь спустя некоторое время, я несколько раз задавал себе вопрос, почему Мария поверила мне, почему согласилась помогать, рискуя своим нахождением в стране.

Глава 8. Амман

Утром проснулся в хорошем настроении: снился мне чудесный сон, как на рыбалке с ребятами отдыхали. Серега поймал хорошую щуку, а я – пару карасей, и вот мы во сне объедались хорошей ухой, щедро сдобренной водкой. Было спокойно и уютно на душе: вот она, реальность, я дома с друзьями, ловим рыбу, пьем водку и обсуждаем девушек. Сон был настолько реалистичен, что, даже проснувшись, я пару минут был под его воздействием, и только взгляд, упершийся в женскую грудь, вернул меня к реальности.

Реальность, в отличие от сна, никак не радовала: предстояло множество манипуляций, связанных с лакокрасочным покрытием фейса, точкой ногтей, критическим осмотром ног на предмет оволосения. Чтобы быть привлекательными, девушкам приходится тратить массу времени на свой внешний вид. То ли дело мужики – принял душ, почистил зубы, взял с вешалки заботливо постиранную и поглаженную одежду – и вуаля, ты готов к великим свершениям.

Кое-как приняв душ в микроскопической душевой, уделил полчаса нанесению губной помады, помучался с ресницами, периодически попадая в глаза щеткой, нанес дневной увлажняющий крем на лицо и зону декольте. Пожарил себе гренки, благо, это нехитрое блюдо готовилось легко и было сытным. Потом пил кофе, лениво просматривая новостные

сайты в интернете: ничего нового, ряд коррупционных скандалов и обычная светская хроника.

В ожидании прихода Марии решил привести комнату в порядок и хотя бы частично расставить свои немногочисленные вещи. В чемодане осталась лежать моя прежняя одежда, не мог я ее оставить в отеле, вдруг вернусь в свое тело, а одет буду в женское. За трансвестита сойду, а их здесь, мягко говоря, не любят. Рассортировать вещи и привести комнату в порядок удалось быстро. Затем – снова хождение по комнате в попытках придумать реалистичный сценарий по возвращению в Москву. Стук в дверь прервал мои мысли.

– Готова? – Мария была одета в легкую рубашку и джинсы, на ногах была моя мечта, кроссовки. Простенькие, не брендовые, но это были кроссовки, а не противные женские сандалии, в которых приходилось ходить мне. Кроссовки я пообещал себе купить в первую очередь, как дорвемся до магазинов. Я схватил свою сумку, которая на все случаи девичьей жизни была одна, закрыл дверь, и мы спустились на улицу. До ближайшей автобусной остановки оказалось метров двести.

Пока Мария рассказывала некоторые нюансы жизни среди арабов, я вертел головой, осматриваясь. Ничего нестандартного, обычный поселок, пыльный, немногочисленный. На окнах нашего общежития или хостела – плотная бумага, чтобы солнце не нагревало комнаты: кондиционеры здесь дорогие, не все могут позволить себе такую роскошь. Шаттл

Kiwibuses практически одновременно с нами подкатил к остановке. В салоне, кроме нас, было три женщины в традиционных одеждах и один мужчина с большим баулом на руках. Женщины смерили нас с Марией оценивающим взглядом и снова вернулись к своему разговору.

Автобус постоял минут десять и тронулся в путь. Минут сорок пролетели быстро, я все время смотрел на окрестности, пытаясь на всякий случай запомнить все указатели. Поражало обилие мусора в поселке, когда мы проезжали через него. Только когда выехали на трассу, стало заметно чище по обочинам. Мария же рассказывала, как ей пришлось трудно, когда она приехала сюда без знания языка, как ей платили гроши, пока не освоила язык и не влилась в местное гастарбайтерское общество. С ее слов, встреченные ею русскоязычные жители Иордании совсем не горели желанием помочь соотечественнице, тем удивительнее было ее желание так сразу и бескорыстно возиться со мной. При въезде в город я обратил внимание, что на крышах многих многоэтажек стоят огромные баки. Мария пояснила, что там собирают дождевую воду, вода в Иордании дефицит, и население воду получает лишь по определенным дням. Надо же, в отеле воды хоть залейся, или здесь живут по принципу: все лучшее туристам?

Автобус подъехал к небольшому приграничному вокзалу, состоящему из одноэтажного здания, облицованного камнем. С тихим шипением открылись двери, и мы вышли на-

ружу вслед за мужиком с баулом. Со всех сторон слышалась арабская речь, прямо на вокзальчике были торговые ряды, скорее всего, ориентированные на местных жителей, судя по отсутствию надписей на английском языке. Мы с Марией посетили четыре банкомата, где я забирал по тысяче динаров, максимальную сумму в Аммане для снятия с карты. Можно было все сразу снять непосредственно в банке, но без паспорта это могло окончиться плачевно. Процент был высокий, с каждой тысячи терял шестьдесят динаров. Просто грабеж! Потом мы посетили пару магазинов, торгующих одеждой. Я наконец купил себе отличные кроссовки фирмы «адидаас».

Торговые центры в Иордании мало отличаются от восточных базаров: в огромном холле были импровизированные ряды мелких торговцев, там, где позволяла ширина прохода между магазинами. Можно было увидеть бабку, торгующую безделушками в двух шагах от магазина «Louis Vuitton». Когда с основными покупками было покончено, и мы поели в кафешке, я все-таки решил попытаться счастья в посольстве, или хотя бы оценить, каковы мои шансы вернуться домой без документов.

Загуглив, я узнал адрес посольства: 3-d Circle, Zahran Street. Навигатор показал, что это в десяти минутах ходьбы пешком от того кафе, где мы наскоро перекусили. Пройдясь по магазинам очередного торгового центра, встреченного нами по пути, мы через десять минут подошли к терри-

тории посольства.

Посольство представляло собой роскошный особняк из белого камня с зеленой лужайкой и пальмами, огражденный по периметру кованым забором. На воротах и на небольшом здании проходной висел российский герб. Российский триколор реял на высоком флагштоке перед центральным входом и на крыше особняка. На входе стоял рослый солдат в униформе «цифра» с российским шевроном на плече. Он даже не взглянул на нас, когда мы вошли в проходную будку, а вот в будке турникет преграждал дальнейшее движение. Оконное стекло в помещении охраны было затонировано так сильно, что с трудом угадывался силуэт человека.

– Вы по какому вопросу? – раздался вопрос из динамика интеркома. Голос был с механическим оттенком, искаженный аппаратурой.

– Мне нужен посол, – ответил я затонированному стеклу.

– Нажмите на кнопку и отвечайте, – проинструктировали меня. Я огляделся и увидел с правой стороны от окна компактный интерком. Нажав на кнопку, я повторил свои слова.

– Посол не принимает без предварительной записи, – бесстрастно сообщили мне. В нижней части окна с шорохом выдвинулся ящик. – Заполните анкету, вкратце опишите суть своего визита, оставьте свои контакты. С вами свяжутся после предварительного ознакомления, – динамик умолк.

Я с любопытством взял пять листков бумаги с отпечатанными вопросами. Бегло их просмотрев, я понял, что мой ви-

зит сюда был бессмысленным: помимо стандартного, типа ФИО и цели прихода в посольство, здесь была еще масса вопросов, касающихся родственников, их местожительства, социального статуса. Кроме того, надо было к анкете приложить заверенную нотариусом копию паспорта. Я не стал дочитывать четвертый и пятый лист, даже половины из прочитанного мне хватило, чтобы понять, что миссия невыполнима. Срок ожидания приема посла был месяц. Это если проверяющую сторону все устроит, и они соизволят спуститься к грешным, отвлекающим их от послеобеденной сиесты. Ручку я вернул в ящик.

Держа листки в руках, мы с Марией просто вышли на улицу. Спецназовец все также стоял по стойке смирно, на улице все также припекало солнце, а я все также находился в полной жопе.

– Девушки, подождите минуту, – из дверей проходной вышел молодой парень лет тридцати. Среднего роста, коротко стриженный, одетый в белую хлопковую рубашку и черные классические брюки. Он подошел к нам и широко улыбнулся, протягивая ко руку:

– Владимир, третий атташе посольства. Я случайно стал свидетелем вашего прихода. Вы быстро уходите, неужели наш сотрудник не смог дать вам полезную информацию? – Парень казался добродушным, искренним и очень человечным. Пожалуй, даже чересчур человечным и искренним.

«Безопасник», – мысленно сориентировался я, пожимая

протянутую мне руку. Максимально мило улыбнувшись, ответил:

– Александра, а это моя подруга Мария, – и сразу, не давая вступить в разговор Марии, продолжил: – Мы слышали, что посольство часто принимает на работу русскоязычных, постоянно проживающих здесь, а именно сейчас Мария в поисках работы, вот мы и хотели встретиться с послом насчет работы. – Мария немного ошалела от сказанного мной, но, к ее чести, даже не моргнула и просто кивнула, подтверждая мои слова.

– Какими языками вы владеете? – теперь уже вопрос был прямо адресован Марии.

– Хорошо владею арабским, на разговорном уровне английским и начальный уровень турецкого, – четко ответила Мария, также послав улыбку Владимиру. Парень ей явно импонировал, это было видно по ее взгляду, и улыбка вышла весьма искренней.

– Так, девушки, посол не занимается наймом на работу, это прерогатива нашего отдела, – парень даже не заметил, как проговорился. – Если вы заинтересованы в работе, Мария, то заполните, пожалуйста, анкету, и вот вам моя визитка, – с этими словами он выудил визитку из кармана брюк, и протянул Марии. – Только позвоните мне перед тем, как сдадите анкету, мы с вами предварительно побеседуем, я вам подскажу моменты, на которые надо будет обратить внимание при собеседовании. А теперь, девушки, не позволите

мне пригласить вас на чашечку кофе. В пяти минутах отсюда варят отличный турецкий кофе, – он замолчал, ожидая нашей реакции. Возможно, ему просто в данный момент было скучно, и он просто убивал время, а возможно, профессиональным чутьем заподозрил ложь и хотел разузнать побольше. Так как Мария молчала, ответить пришлось мне:

– С большим удовольствием, но мы уже обещали сегодня пообедать с моим парнем и его другом, они должны с нами встретиться буквально через пару минут в торговом центре за углом. Торговый центр был тот самый, что мы обследовали по дороге в посольство. На лице парня не отразилось ни малейшей досады, и он, снова пожелав нам удачи и крепко пожав обеим руки, вернулся на территорию посольства. Уходил он пружинящим шагом, напоминая хищника, готового к бою, и я еще раз убедился, что этот парень далеко не прост и уж точно не занимается подготовкой речей для посла или иной бумажной работой. Таких подготовленных и крепких ребят готовит обычно одно ведомство, с весьма своеобразной спецификой работы.

Мария обернулась ко мне:

– Слушай, а почему ты перевела стрелки на меня? Может, скажи мы ему все как есть, было бы лучше? Мне он показался милым и очень хорошим.

– Мария, это был фээсбэшник, а никакой не атташе. Его работа – разведка, вербовка, устранение опасности, угрожающей жизни посла и так далее, он нам не помощник. Быть

милыми – их работа, они располагают к себе доверчивых людей и могут вытрясти всю информацию, не прибегая к методам физического воздействия. Конечно, им далеко до КГБ, державшего весь мир в напряжении, но поверь, Мария, и они не лыком шиты. – Она погрузилась и растеряла свою замечательную улыбку.

Мне было немного жаль девушку, розовые очки которой пришлось снять так безжалостно. Мы прошли поворот, миновали торговый центр. Вероятность того, что Владимир следит за нами была ничтожно мала, и поэтому, дойдя до ресторанчика с поэтическим названием «Роза Востока», мы решили пообедать, хотя не были голодны. После обеда Мария, обратившись к официанту, спросила, как найти квартиру для аренды. Парень, несколько минут повозившись, скинул ссылку на Ватсап, аналог нашего Авито. Позвонив по пяти номерам, мы получили отказ, никто не хотел сдавать квартиру девушке без сопровождающего мужчины. Наконец шестой адресат изъявил желание встретиться лично. Только надо было приехать немедленно, потому что абонент на том конце провода собирался усвистать по своим делам.

Мы приехали по адресу на такси, поднялись на третий этаж, где на лестничной площадке нас встретил пожилой мужчина. Недовольно поцокав языком при виде молодых девушек, тем не менее открыл квартиру, которая, видимо, находилась напротив его жилища, и пригласил нас войти.

Это была стандартная двушка, практически идентичная

нашим. Хозяин устроил нам экскурсию, показывая квартиру, попутно давая объяснения. Мария долго торговалась за цену, но, похоже, не смогла значимо сбить цену, судя по ее обескураженному виду: торг среди арабов – святое дело, покупать что-либо без торга считалось неправильным. Наконец она была вынуждена согласиться, и я стал арендатором небольшой квартиры практически в центре города. Цена была озвучена в двести динаров, и я пообещал себе настучать по рахимовской роже при встрече.

Внеся задаток пятьдесят динаров, мы получили ключи от квартиры и простились с хозяином, пообещав заселиться через два дня, после двух очередных рабочих смен Марии. Через дорогу было отделение местного банка и, увидев на улице банкомат, я снял весь остаток средств с карты. Таким образом, за вычетом использованных на покупки средств, я стал обладателем пяти с половиной тысяч динаров, что по местным меркам было очень даже неплохо.

Немного побродив по городу, полюбовавшись на высокие минареты мечетей, поглазев на витрины магазина, торговавшего золотыми изделиями, мы путем двух пересадок на городском автобусе добрались до пригородного вокзала. Возвращались в Совайме на таком же шаттле, что привез нас в город. В этот раз практически полным. Найдя свободные места в хвосте автобуса, тихо примостились: мне было немного неуютно среди такого количества арабов, Мария не страдала от их присутствия и вполголоса рассказывала мне о своей

жизни в Молдавии, по которой она сильно скучала.

Поднявшись в квартиру, я разложил в маленьком холодильнике продукты, купленные в Аммане, и рассортировал свои покупки. Мария, сославшись на усталость, ушла к себе, а я плюхнулся на кровать и остаток дня провел в рунете, благо баланс телефона позволял это делать.

Глава 9. Бегство

Следующие два дня прошли рутинно: я просыпался, принимал душ, завтракал. Потом, переодевшись в спортивную форму, купленную мной в Аммане, бегал трусцой по поселку, благо наш дом находился на окраине, за которой начиналась каменистая полупустошь. Добегал до конца поселка по нашей улице и пробежав по пустоши около метров пятисот, возвращался по своим следам. Первый день был так себе, на второй день болели мышцы и пришлось приложить волевые усилия, чтобы заставить себя выйти на пробежку. Конечно, за два дня много не набегашь, и о том, чтобы восстановить форму, не могло быть и речи. Тем не менее я надеялся, что за несколько дней смогу хотя бы частично улучшить ее.

Мария, придя после работы, забегала попить чаю, поделиться последними новостями с отеля, но мы не засиживались, ей нужно было вставать в пять утра, чтобы вовремя попасть на работу. Вот и сейчас, уже готовясь ко сну, я строил планы насчет завтра: с утра пробежаться, а потом, уже ближе к обеду, готовиться к переезду в Амман. Утром, как обычно, я совершил свою получасовую пробежку и, возвращаясь в свою квартиру, заметил машину Рахима во дворе.

Нехорошее предчувствие кольнуло в груди, хотя, казалось, ну приехал гид, который тебя знает, может, пофлиртовать или проявить заботу. Однако этот шельмец не появлял-

ся уже три дня и его ранний приезд мне показался явно не к добру.

– Александра, у меня плохие новости, – по лицу Рахима было видно, что он взволнован. Его обычно смуглое загорелое лицо было бледнее, чем обычно.

– Что случилось? – мне стоило немалых трудов спросить это ровным голосом, пытаюсь отдышаться, я подошел к нему и глубоко вздохнул, восстанавливая дыхание.

– Твой бойфренд Александр пропал, туристическая фирма уже связывалась с отелем. Его не могут найти, сегодня приедет полиция, нас предупредили, чтобы мы были максимально честны в своих ответах и готовы сотрудничать. Менеджер Шишани вне себя от страха за свою работу. Если ты знаешь, где господин Александр, пусть он свяжется с ре-сепшн. Полиция в отеле – плохо для бизнеса, – Рахим был видимо не на шутку встревожен всем, и возможным появлением полиции особенно.

– Рахим, он мне сказал, что едет в Амман, после этого он мне не отвечал на мои звонки, и я перестала ему звонить, – как можно более безразличным тоном ответил я. – Ты знаешь, мы не были особенно близки, и я его на поводке не держала. Я очень надеялся, что Рахим не заметил фальши в моем голосе. Но гиду было, видимо, не до фонетических экспертиз: вероятность вмешательства полиции в работу отеля его пугала больше, чем что-либо. Чтобы он не счел меня бесчувственной, я попытался сгладить свое безразличие к

судьбе Александра. Ведь я должен, по логике, быть встревожен его исчезновением, иначе это выглядит подозрительно. Поэтому я поступил классическим женским методом, решив свалить все на возможную соперницу:

– Более чем уверена, что он сейчас где-то завис с очередной девушкой, ведь все вы, мужики, бабники! – выпалив это со знанием дела, я направился к себе, отметив, что Рахим лояльно воспринял мою речь. Постояв пару минут, гид сел в машину и с небольшой пробуксовкой выехал со двора.

Я глубоко вздохнул: у меня пара часов, пока полиция не допросит Рахима, консьержек и не решит допросить меня. Плюс полчаса ехать сюда, если решат поговорить со мной, на их месте я бы не откладывал разговор с единственной реальной свидетельницей. Пулей взлетев на второй этаж, я забарабанил в дверь. Когда испуганная Мария открыла дверь, скороговоркой изложил все и, дав ей полчаса на сборы, побежал к себе, оставив ошарашенную девушку с открытым ртом. Первым делом вытащил симку из телефона и смыл ее в унитаз. Телефон я держал выключенным, во избежание ненужных звонков от мамы и друзей, включая лишь для чтения новостей в интернете. Оказалось, не зря, наверняка там много звонков от туристической компании и полиции, не считая звонков мамы. Хватая вещи в охапку, набил ими чемодан. Палка колбасы, сыр в упаковке, мыло, шампуни, зубная щетка. Сандалии, чай в пакетиках, конфеты – все отправилось в чемодан.

Принимать душ не было времени, я наскоро вытерся полотенцем, влажный спортивный костюм завернул в пакет и засунул в чемодан. Джинсы, рубашка и платок вокруг бедер – и я готов, а прошло меньше получаса. Еще раз осмотрелся в комнате. Не забыл ли я вещей? Нет, вроде все взял. Плакали мои денежки за квартиру, вероятность, что я их получу обратно, нулевая. Когда я вышел во двор, пришлось минут десять ждать Марию, которая была налегке.

На автобусной остановке было пусто, шаттл ушел минуту назад, если верить расписанию, а до следующего было примерно полчаса. На наше счастье, на дороге показался старенький Рено. Водитель притормозил и через открытое окно на арабском обратился к нам, хотя мы не останавливали его. Мари поговорила с ним минуту и, обернувшись ко мне пояснила:

– Он едет в Мадаба, это по другой дороге, но это предместье Аммана. В центр города с Мадаба регулярное движение, я там бывала, это практически окраина Аммана.

– Едем, – решил я. Водитель, поняв, что красивые девушки согласны стать его попутчицами, вышел со словами «МашАллах», взял у меня чемодан и поместил его в багажник. Громко захлопнув его, он, еще раз сказав свое «МашАллах», пригласил нас в машину с широкой улыбкой, открыв передо мной дверь. Мы уселись в машину, старенький Рено, поднимая шлейф пыли, рванул с места с прытью, которой я от него не ожидал.

Всю дорогу Мария поддерживала беседу с водителем, который оказался словоохотливым. Пару раз я видел, как он смотрит на меня в салонное зеркало, но в данный момент его взгляды меня несколько не волновали, даже будь я в короткой юбке, а я был в джинсах. В Мадаба водитель подвез нас к стоянке автобусов и такси, и долго махал нам рукой, пока мы шли к машинам. Арабское внимание иногда может быть утомительным, теперь я понимал девушек из круга моих знакомых, отдохавших на курортах Египта и Турции. Тогда я считал, что они просто преувеличивают и повышают самооценку в глазах окружающих, рассказывая о внимании со стороны аборигенов и тысячах комплиментов.

– Не говори адрес квартиры, пусть нас доведет в центр, – успел я предупредить Марию, уже собиравшуюся назвать таксисту адрес. Надо соблюдать максимальную осторожность: сколько раз видел в фильмах, как одна мелочь губит гениальный план. Мария назвала центральный рынок Амманна и, после недолгих торгов, закончившихся ценой восемь динаров, мы уже ехали в столицу Иордании. Расплатившись с таксистом, походили по рядам рынка, так, на всякий случай. Покрутившись, сменяя автобусы, мы поехали на съемную квартиру. Остановка маршрута 12Z оказалась в двух кварталах.

Выйдя с очередного душного и жаркого автобуса, мы, как рыбы, выброшенные на берег, хватали кислород. Иорданские городские автобусы – это что-то, надо проехаться на

них, чтобы оценить всю прелесть. Разномастная толпа, набившаяся внутрь, создавала невообразимое амбре. Никого не встретив в подъезде, мы благополучно добрались до конечной цели. Поднявшись в квартиру, несколько минут лежали, просто рухнув на кровати: сказывалась напряженность и страх перед неизвестным.

– Мария, мне нужна местная сим-карта для связи с тобой, желательно безлимитная, если у вас такие бывают. А тебе нужно алиби, потому что кто-нибудь из соседей все равно скажет полиции, что мы уехали вместе. Тебя будут допрашивать, твои ответы должны быть четкими и краткими, иначе у тебя могут возникнуть проблемы.

– Я скажу, что ты уехала на стареньком Рено, даже опишу им водителя и машину. А я поехала в Амман, потому что мне нужно было на рынок. Я с прошлой поездки сохранила билет на шаттл, а так как на билетах нет даты, это будет моим доказательством. Насчет симки, они продаются практически везде, но в большинстве магазинов требуют ID, то есть паспорт, и, кроме того, там сложная активация симки. Я сейчас сбегая, попробую купить, а ты пока отдохни, – с этими словами девушка вышла за дверь оставив меня одного.

«Чертов эгоист, – подумал я про себя. – Ты же ей принесешь проблемы в чужой стране». Но внутренний голос заглушил угрызения совести, напомнив мне, что ее проблемы – мизер в сравнении с моими. «И потом, я ей, конечно, заплачу за все хорошее», – эта мысль мне понравилась, и я,

наконец подняв свое брненное тело с кровати, начал раскладывать вещи и продукты по предназначенным им полкам в шкафу и в холодильнике.

Я успел принять душ, даже постирать костюм и приготовить что-то вроде легкой закуски, когда вернулась Мария. Мы сели за стол, и в этот момент прозвучал дверной звонок. Звонок тренькнул второй раз, а потом по двери постучали. «Неужели нас выследили? Ведь мы так напутали след!» – мелькнула мысль, но сидеть и бояться был не выход. Мария, кивнув мне, чтобы я остался в кухне, пошла к двери: щелкнул замок открываемой двери, до меня донеслась речь на арабском, а спустя минуту в комнату вошли Мария и наш арендодатель, который нес в руках небольшой телевизор.

– Я пригласила его на чай, здесь принято приглашать любого, кто к тебе пришел, – начала оправдываться девушка.

– Мария, все нормально, хорошие отношения не помешают, – успокоил я девушку.

Хозяина звали Маджид, было ему примерно лет шестьдесят с хвостиком. Он сдавал эту квартиру в аренду, а еще у него имелась небольшая сувенирная лавка, в которой работал его сын. По образованию он был учителем, в Иордании на эту работу очень большая конкуренция, и теперь, выйдя на пенсию, он спокойно и тихо торговал сувенирами и сдавал вторую квартиру в аренду. Это позволяло ему держаться на плаву и даже неплохо жить. Жена его умерла два года назад, а дочь вышла замуж за турка, у которого работала, и переехала

жить в Стамбул. Все это я узнал из перевода Марии, которая вела беседу и мне переводила. Старик производил впечатление умудренного жизнью человека, сохранившего понятия человечности. По крайней мере, такое впечатление у меня сложилось за время нашего короткого знакомства.

ز ج مي لة , وج - مت
– О, это уже Маджид обратился ко мне. Я посмотрел на девушку.

– Он говорит, что ты красивая, и спросил, замужем ли ты, – перевела Мария. В устах старика комплимент прозвучал не пошло, и мне он доставил приятные ощущения. Она ответила Маджиду про мой статус, после чего араб, еще раз посмотрев на меня, сказал:

ز ئان علي ها أن وج - تت قبل أن ي ح دث ء شي ي شء
– Он говорит, что тебе надо замуж, иначе ты в опасности, – перевела мне Мария. Он даже не знает в какой я опасности, подумалось мне. Я улыбнулся старому арабу и сказал то единственное слово, что я знал на арабском.

– Шукрат.

Старик улыбнулся, допил свой чай и попрощался с нами, сказав традиционное: – Ассалям алейкум.

– Алейкум салам, – ответила Мария и закрыла за гостем дверь. Мы установили телевизор и подключили его к сети. Большинство каналов были арабскими, было несколько европейских каналов. Российские либо не ловились, либо их не было в пакете. Девушка монетой стерла защитный слой с карты и ловко забила все цифры, и активировала сим-карту,

затем почти полчаса проводила настройки, вбивая знаки и символы, пришедшие в обратном смс от оператора. Наконец она передала мне телефон со словами:

– Здесь тысяча минут разговоров на всех операторов местных сетей и двадцать гигов интернета. Пополнять баланс можно как с банковской карты, так и с карточек продаж путем ввода шестнадцатизначных цифр. Терминалов для пополнения баланса мобильных телефонов здесь нет. Выгоднее пополнять с банковской карты, но так как у тебя нет местного счета, я тебе еще две карточки купила для пополнения счета. Александра, мне надо ехать обратно, держи со мной связь, я приеду через три дня, раньше у меня не получится.

– Спасибо тебе, Мари, за все. Поверь, рано или поздно я отплачу тебе за все то добро, что ты мне сделала. Я прижал к себе девушку и неумело чмокнул ее в щечку. Мария вся зарделась от поцелуя и со словом «пока!» упорхнула за дверь, оставив меня одного.

Проводив Марию, я, не снимая одежды, прилег: ситуация начала выходить из-под контроля, и намного быстрее, чем я ожидал. Если у меня не появится здравая идея, как мне вернуть свою жизнь и как вернуться домой, то вскоре я могу оказаться в роли волка, преследуемого охотничьей сворой. А я прекрасно знаю, что ни один волк не устоит против своры собак, как и самого быстрого мустанга вполне успешно могут загнать тихходные всадники. Просто надо взять неторопливый темп и иметь в запасе время: жертва сама придет

в руки того, кто умеет ждать и анализировать.

Глава 10. Разыскивается

Три дня прошли без особых происшествий. Звонила Мария, говорила, что ее опрашивала полиция в первый ее рабочий день. Вопросы были типовые, видела ли она Александра в отеле, видела ли она ту девушку, что жила в его номере и покупала вещи в магазине. Рахим, конечно, сразу сдал меня полиции, объяснив, куда отвез и поэтому вопросы к Марии были потому, что работала в отеле, где находился пропавший, и она жила в хостеле куда впоследствии переехала. Не увидеть логической связи между этими событиями не могли даже иорданские полицейские. Ее промурыжили полчаса и отпустили. Со слов Марии, полицейские выполняли свою работу или спустя рукава, или просто не были мотивированы.

Вообще, полиция в арабских странах не сильна своей дедуктивной работой, основные показания у подозреваемых выбиваются пытками и избиениями. Особенно в этом преуспели службы уже почившего Саддама Хусейна и Башара Асада, ввергнувшего свою страну в кровопролитную гражданскую войну, бушующую седьмой год.

Сирия, некогда жемчужина Ближнего Востока, вслед за Ливаном в восьмидесятые, и за Ираком в нулевые, погрузилась в хаос. Пальмира была разграблена и растоптана, три четверти страны разрушено, а больше семи миллионов си-

рийцев рассеяны по всему миру. От страны кусок за куском отщипывали соседи: Турция, создавая приграничную зону, иранские шиитские формирования, развертывающие свои базы. Даже Россия оказалась втянута в эту никому не нужную войну: трупы наемников из ЧВК Вагнера тоже окропили своей кровью бесплодные земли этой страны.

Мария обещала приехать сегодня, мы планировали пройтись по магазинам и просто посидеть в кафешке. Я по своей натуре довольно активный человек, пассивное времяпрепровождение меня всегда угнетает. Вот и сейчас время для меня замерло. В ожидании Марии я, включив телевизор и удобно развалившись в кресле, потягивал чай. По телеку шла какая-то лабуда типа ток-шоу. Мне надоело смотреть и ничего не понимать, потянулся за пультом, чтобы поискать передачи про животных или про дикую природу, как внезапно экран телевизора стал белым, и на нем появилась мигающая надпись, которая сопровождалась неприятным звуковым сигналом:

اللهتمام أراد

Чуть ниже, уже английским языке:

attention wanted

Это я мог перевести даже с моим плохим английским. Секунд через двадцать белый экран сменился фотографией: на меня с телевизора смотрел сам я, в своем мужском обличье. Фото, видимо, было с паспорта или с визы, потому что выглядел я там лет на пять моложе. Кто-то что-то говорил на

быстром арабском, но и частично знакомые английские субтитры давали более или менее ясную картину происходящего. Затем фото сменило видео, на котором я без труда узнал свой отель, а потом и свою комнату в нем.

Голос, очевидно, давал пояснения, но даже не понимая арабского, мне стало ясно, что речь идет о моем исчезновении, то есть исчезновении Светлых Александра, туриста из России. Дальше картина выхватила лицо менеджера отеля, моего «друга» Аббаса, который давал интервью. Аббас говорил достаточно долго, сокрушенно разводя руками: для пятизвездочного отеля известной мировой сети внимание полиции и сам факт исчезновения гостя – плохая реклама.

Субтитры сменялись быстрее, чем до меня полностью доходил их смысл, но и того, что мне удалось понять, было достаточно, чтобы сердце забилося тревожно. Затем снова появились надписи на английском и арабском, и теперь с экрана на меня снова смотрел я, но только уже в женской ипостаси. Фото явно было сделано с камер в отеле, одно в коридоре, где четко видно, как я выхожу из комнаты, на втором камера в фойе крупным планом выхватила мое лицо и фигуру в платье, в котором я ходил обедать и на пляж.

Субтитры снова пошли на английском языке, но либо использовались незнакомые мне слова, либо мои познания в английском оказались слабее, чем я предполагал. Затем изображение на экране снова сменилось, возвращаясь к прерванному ток-шоу, однако спокойствия это не принесло.

Мое состояние было близко к нокдауну: я, конечно, предполагал, что поднимется шум, но, чтобы так быстро и на всю страну, этого я не предвидел. Теперь придется скорректировать свои планы, раз исчезновение Александра, то есть меня, признано официально и телевидение подключилось к розыску. А сколько камер в городе? Мы же были в торговых центрах, были в посольстве, а там наверняка все напичкано аппаратурой. Что стоит в современном мире отследить человека? Поход в посольство был одной большой ошибкой, там наверняка отслеживают все местные передачи и такое сообщение не останется без внимания. С учетом моей яркой, запоминающейся внешности, меня запросто мог запомнить и ушлый сотрудник, выходявший к нам, и человек за тонированным стеклом, который вел беседу в проходной. Зачем я пошел в посольство, знал ведь, что это плохая идея?! Ведь попой чувствовал, что это безрезультатно и ни к чему хорошему не приведет!

Зазвонил телефон. Мне не надо даже смотреть на экран, чтобы понять, кто это. Мой номер был только у Марии.

– Алло?

– Саша, ты смотрела телевизор? В голосе девушки был неподдельный испуг. Она даже дышала отрывисто, слово взбегала по лестнице на верхние этажи.

– Да, но не все разобрала. Что они говорили, Мария? Мне трудно было понять, о чем речь, – мой вопрос был задан самым обыденным голосом. Надо говорить спокойно, не хва-

тало еще добить девушку, показав свою растерянность.

– Они говорят, что Александр исчез, возможно, убит. Полиция ищет тебя как свидетеля, чтобы допросить, так как ты его девушка и жила в его номере. Диктор сказал, что, возможно, ты знаешь убийцу, но есть вероятность, что ты можешь быть замешана. В любом случае, тебя также объявили временно исчезнувшей и объявили в розыск. Саша, я боюсь! Девушка реально была напугана. Может, еще не отошла от допроса полиции. Требовалось ее срочно успокоить, пока она не совершила ошибку.

– Какой бред, Мария! О каком убийстве идет речь, если нет мертвого тела? Они могут говорить лишь о исчезновении. Я ни в чем не виноват, Мария, и ты это прекрасно знаешь, успокойся, не паникуй. Будь у них зацепки, они бы не подключили телевидение, а просто вычислили бы мое местонахождение. Поняла? Ты когда приедешь?

– Я собираюсь выезжать через полчаса, – ответила Мария уже куда более спокойно.

– Ты помнишь, что к квартире нельзя подъехать сразу? Смени пару автобусов и пройди несколько кварталов пешком. Останавливайся у витрин магазинов, особенно зеркальных, они помогут тебе увидеть, кто идет за тобой. Пару раз поудри носик, внимательно смотря в зеркальце. Если заметишь что-то странное, не приходи, сбрось мне эсэмэску, зайди на рынок, купи что-нибудь и возвращайся домой. Ты поняла? Я старался говорить ровным, уверенным голосом, что-

бы придать девушке смелости.

– Да, Саша, я все поняла. Буду у тебя не раньше чем часа через два. Тебе что-нибудь купить? – спросила Мария, и, судя по тону, она уже пришла в себя.

– Да, купи мне, пожалуйста, пива, бутылки две. Неважно какого, лишь бы покрепче! Или бутылку водки, только русской!

– Хорошо. Жди меня и не выходи никуда, – с этими словами девушка отключилась, а я остался сидеть, тупо смотря перед собой. Похоже, петля затягивалась вокруг шеи, а мой тщательный план давал сбой. Если Александра опознать было бы трудновато в силу отсутствия тела, то высокую симпатичную шатенку вспомнить смогут многие: посетители кафе, таксисты, арендодатель, наконец. Я уже не говорю обо всех камерах, которыми напичкан современный город, и пусть Амман не Москва и не Лондон, но торговые центры, вокзалы, проклятое посольство, куда я сунулся по глупости, все это однозначно закольцовано системой видеонаблюдения.

Совсем некстати я вспомнил толстяка из отеля: если он видел все это и в курсе случившегося, мама родная, сколько же грязи он вылил в мой адрес. А может, наоборот, клятвенно обещал свечку поставить в церкви по возвращению домой за спасение своей никчемной жизни. Я нервно шагал по комнате. Одно несомненно: надо убираться из этой страны, и чем быстрее, тем лучше.

Как-то несколько лет назад смотрел старый фильм про американок, попавших в турецкую тюрьму: одно сплошное насилие и унижения. И это в Турции, которая уж куда ближе к Европе по менталитету. Бедные девушки к середине своего срока превратились в оборванных и грязных зомби. Нет уж, девушку, попавшую в руки полиции без документов в этой стране, ждет ад: ей придется обслужить и не по разу всех полицейских, а потом и всю тюремную охрану. Потому что человека без гражданства и репатриировать-то некуда, он превращается в безымянного раба, в секс-игрушку. А потом растворяется где-то среди барханов.

Так, думай Александр, думай! Но как я ни старался, ничего путного в голову не лезло, идеи все были фантастические и несбыточные. Так карты просто не ложатся, он не зависают ребром в воздухе. Прошло два томительных часа, а потом и еще два. Я начал опасаться, что Марию или перехватили по дороге, или она просто испугалась и кинула меня с теми пятьюстами динарами, что я ей отдал на текущие расходы.

Звонок входной двери заставил меня подпрыгнуть. Несколько секунд помедлив, я решительно распахнул дверь, надеясь на лучшее. За дверью стояла нагруженная сумками и пакетами Мария, которая имела вымученный вид.

– Прости, я немного задержалась, очень трудно купить спиртное в Аммане, особенно если ты девушка. И потом я еще взяла немного продуктов и краску для волос, перекись. Будем тебя гримировать, – Мария прошла на кухню и со

вздохом облегчения начала избавляться от своего груза.

– О гриме поговорим позже. Сейчас давай пиво или водку – что ты там купила? – поставим в холодильник и потом будем накрывать на стол. Хочу напиться и забыться. Мой тон не оставлял сомнений, что намерения мои серьезные. Еще со студенческих лет у меня была привычка напиваться при столкновении с серьезной проблемой. Как ни странно, на второй день взгляд на проблему прояснялся и решить ее становилось легче.

– Я взяла водку бутылку «Столичной» и пять бутылок «Амстела», – улыбнулась Мария. – Составлю тебе компанию, не одной же тебе пить? Спиртное немедленно отправилось в холодильник, а зелень и припасы были частично выставлены на стол, частично нашли себе приют там же, в холодильнике. Мария положила туда еще что-то прямо в мешке, пробормотав о сюрпризе. Через полчаса, помня золотое русское правило, «градус нельзя понижать», мы начали застолье с пива. У меня были сомнения насчет спиртного, я понятия не имел ни о привычках прежней хозяйки тела, ни о ее пороге переносимости алкоголя. Определенно, это тело было знакомо с пивом, не было отвращения, да и градус оказался слабоват.

Когда через час пиво было оприходовано, и Мария торжественно вытасила водку. Литровая «Столичная» на родине в такой таре мне не встречалась: заиндевшая бутылка манила к себе возможностью все забыть, наплевав на пробле-

мы. Но когда Мария с хитрой улыбкой вытащила с холодильника литровую банку соленых огурчиков и помидорчиков, моя челюсть просто упала:

– Откуда?! – Я знал, что соленья вообще практически не встречаются в этой восточной стране, да и зачем заготавливать помидоры и огурцы, если они растут круглый год? Защемило в груди, повеяло родным, домашним уютom. Как там мама? Наверное, сходит с ума, не находя себе места. Зная ее характер, можно предположить, что она уже позвонила во все инстанции, подняла на уши всех, кого только можно. Главное, чтобы она не терзала себя переживаниями, у нее слабое сердце, а я выпутаюсь. После нескольких бутылок пива моя уверенность в завтрашнем дне и в том, что я смогу выйти из этой ситуации, возросла.

– В большом Аммане есть целый квартал, где живут русские, украинцы, казахи. Там несколько русских магазинов. Есть ресторан, клуб и школа. Там довольно большая русскоязычная диаспора, хотя и не очень дружная. Там и купила, поэтому и задержалась, – заметно охмелевшая Мария стала немного раскованнее и держалась уже совсем естественно. – За соленья отдельное спасибо! Я потянулся к банке, но Мария, опередив меня, ловким движением открыла крышку, выложила в миску соленые огурчики и помидоры, а затем начала раскладывать по тарелкам остальное. На столе появились нарезанная колбаса, сыр, свежие помидоры, лук и чеснок. «Опыт не пропьешь», – подумалось мне, когда я ловким

движением открыл бутылку и плеснул грамм по пятьдесят себе и Марии.

– Что ж, будем, – я запрокинул стаканчик, и ядрёная жидкость как по маслу скользнула по пищеводу, заставляя быстрее биться сердце и наполняя жилы огнем. А водочка-то хороша, совсем без привкуса сивухи, и пьется легко.

– Будем, – откликнулась Мария, выпивая свою порцию.

Потом был тост за здоровье, за мам, за страну и очередной тост уже сказала Мария:

– За нас, за девушек! Мало нас, красивых и хороших осталось!

На этом тосте я замешкался, не считая себя девушкой, хотя прилагательные «красивая и хорошая» приятно потешило самолюбие. Но рассудив, что не стоит спорами на гендерную тематику портить такое классное застолье, я выпил молча, чокнувшись с Марией. Было еще много тостов, чем дальше они говорились, тем хуже помнились.

Смутно помню, как, растопырив пальцы с наманикюренными ногтями, втирал Марии, что я не баба и что яйца у меня есть, и они стальные, а Мария пьяно икала и поправляла меня:

– Не яйца, а яичники, – и глупо хихикала над своей шуткой. Короче, с того момента, когда после пива мы раздавили пузырь, я помню только, дотацил Марию на кровать и начал ее раздевать. Видимо сработал рефлекс из прошлой жизни, что за пьянкой следует гулянка, но, видимо, не стояло у меня

В тот момент, так как нечему было, и я так и уснул, частично накрыв своим телом полураздетую молдаванку.

Глава 11. Да придет Спаситель

Пробуждение было ужасным. Не иначе, ночью кто-то, злобный и гадкий, основательно натер мне язык и горло ночью наждачной бумагой крупного размера. По крайней мере, мне так казалось, когда утром, с трудом разлепив глаза, я ощутил пустыню Сахара во рту. Такого состояния у меня не было даже в бытность свою парнем, хотя у нас с друзьями бывали попойки, плавно переходившие с конца одного дня в зенит второго.

Я с трудом сел на кровати и сфокусировал взгляд на спящей Марии: если бы не ее мерно вздымающаяся грудь и громкий храп, я бы решил, что спал рядом с трупом. Бледная, растрепанная, с одной грудью, выскочившей из лифчика, с синюшными губами, с рукой, свесившейся на пол, девушка производила впечатление узника Бухенвальда после групповой оргии нацистов. Она лежала на спине, широко открыв рот, и храпела, как портовый грузчик после тяжелого трудового дня.

Шаркая ногами, я с трудом дотащился до умывальника и стал жадно пить воду прямо из крана. Облегчения это почти не принесло, но мысли немного прояснились. Стоило оглядеться. Стол, со следами разлитой жидкости, огрызки сыра и колбасы на полу, поваленный стул... Нет, однозначно, девушкам спиртное противопоказано. Я сам себе дал слово,

никакого спиртного, пока не получу обратно свое тело. Хотел разбудить Марию, но передумал и залез под душ: прикрыл кран с горячей и минут пять дрожал под холодной, только усилием воли сдерживаясь, чтобы не выскочить из душевой. Вытершись насухо, отправил заляпанную майонезом рубашку, не первой свежести трусы и лифчик в корзинку для белья. Переделся и поставил чайник, чтобы выпить крепкий кофе. Пришлось заваривать растворимый, так как не было ни турки, ни натурального кофе, который я забыл купить. Увы, выпитое не дало мне идеи, как решить мою проблему. Зато впервые за все это время я провел вечер, не думая о своей дальнейшей судьбе и не вздрагивая при каждом шорохе.

Когда я допивал вторую чашку, на кровати заворочалась и села взлохмаченная Мария.

– Саша, сколько времени? – она почесала рукой в затылке, озабоченно рассматривая свою левую грудь, выскочившую из оков лифчика.

– А хрен его знает, – буркнул я. – Иди выпей кофе, полегчает. Для меня точное время ничего не значило, я уже стал ориентироваться в распорядке дня по звукам Азана, который слышался, как минимум, с трех мечетей поблизости.

– Саша, я что, сама разделась? Что-то я не помню, – Мария ловким движением спрятала немаленькую грудь, накинула рубашку и начала застегивать пуговики.

– А что ты вообще помнишь? Маджид приходил, ты ме-

ня выгнала, попросила не мешать твоему счастью. Говорила, что тебя с детства тянет к мужчинам постарше, – я со злорадством наблюдал, как расширились глаза девушки, как она инстинктивно сунула руку между ног. Потом до нее дошло, и она со смехом сказала:

– Вот ты вредина, Саша! А я чуть было не поверила, – кинула в меня подушку, но промахнулась. Затем пошла в душ. С моего места мне было прекрасно видно ее тело, неплохо сложенная девушка, но, пожалуй, при ее худобе и довольно плоской попе грудь третьего размера смотрелась не очень. «Моя фигура куда лучше», – подумал я и вдруг осознал, что я сказал не «эта фигура», а именно «моя фигура». Значит ли это, что я смирился и согласен быть девушкой или это просто оговорка? А может, это оговорка по Фрейду? В любом случае, я вынужден был признаться самому себе, что сейчас мое новое тело не так шокировало меня, как в первый день. «Женские гормоны трудятся как пчелки», – я усмехнулся такому сравнению и допил кофе.

Мария вышла из душа, замотанная в полотенце, схватила кружку и начала хлестать обжигающий кофе. Я так не мог, мне приходилось немного подуть, выждать время и лишь потом уже пить. Мы на пару быстро навели относительный порядок. Конечно, комнату предстояло помыть и помыть посуду, но на первый взгляд ничего не напоминало о вчерашнем беспределе, видимых следов спиртной оргии не наблюдалось.

Только я открыл рот, чтобы спросить Марию, нет ли у нее идей, как прозвенел дверной звонок. Мы обреченно переглянулись. Если это полиция, хана всему, а если нет, узнать можно лишь открыв. Мария, как обычно, пошла открывать дверь. Разговор опять пошел на арабском, второй голос был явно мужским. Черт побери, надо учить этот язык, иначе я как слепой среди зрячих. Я, конечно, не планировал оставаться в Иордании, но мне нужно понимать, о чем речь, ведь не всегда рядом со мной окажется переводчик. Мария явно кого-то убеждала, в ее голосе были просящие нотки. Решив, что наша песенка спета, я вышел из-за угла в коридор, чтобы полиция не причинила вреда девушке.

Но это была не полиция: держа в руках газету, наш арендодатель Маджид что-то яростно втолковывал Марии, она же оправдывалась и, судя по тону, не очень удачно. Маджид увидел меня и, пальцем показывая в мою сторону, начал еще более яростно спорить с Марией. Этого араба, производившего впечатление крайне спокойного и рассудительного человека, трудно было представить таким рассерженным.

– В чем дело? – спокойно спросил я у Марии, хотя от страха у меня у самого булки тряслись. Я решил, что вчерашняя наша попойка не осталась незамеченной для хозяина и он, будучи правоверным мусульманином, сейчас выкинет меня из квартиры как нашкодившего котенка. Но как, черт побери, он мог узнать? Мы не пели «Ой, мороз, моро-о-оз!» на балконе, не размахивали российским триколором с криками

«Десантники всех поймут!» и даже не разговаривали громко. Меня некстати затошнило, вспомнился анекдот: «Штирлиц склонился над картой СССР, его неудержимо рвало на Родину».

Мои сомнения разрешила сама Мария:

– Он тебя узнал, – обреченно выговорила она, – и теперь обвиняет меня, что я его подставила, и полиция может у него конфисковать квартиру за укрывательство разыскиваемого человека. Десять минут назад была повторная передача, где снова показывали твое фото и обещали уголовным преследованием за сокрытие информации.

– Мария, пригласи его зайти. Мы поговорим с ним, думаю, я сумею его убедить, что я не виноват и ему ничего не грозит. Решение, что и как говорить, пришло в голову мгновенно: не иначе как водка так прояснила мозги. Не дожидаясь ответа девушки, я прошел в комнату и сел на стул. К моему удивлению, практически следом за мной зашли Маджид и Мария. Я церемонно встал, когда старик зашел: на Востоке любят уважение. Что я не ошибся, было видно по немного потеплевшим глазам старика.

– Мария, ты расскажешь старику такую версию: я студентка из России, обучаюсь на факультете гостиничного бизнеса в Москве, нас коммерческая фирма пригласила на стажировку в отелях Мертвого моря. Такое часто практикуется и поэтому он в это поверит. Дальше начинается самое интересное и, если мы его сможем заставить поверить, старик нам не

причинит вреда. Итак, запоминай, что ты ему скажешь! Приглашение на стажировку оказалось обманом, фирма просто ищет девушек эскортниц. Как только мы пересекли границу, у нас отобрали паспорта и нам объявили, что через неделю отдыха в отеле нас повезут в Эр-Рияд, где мы должны будем на закрытых вечеринках танцевать для богатых саудитов и, возможно, улаживать. Насчет улаживать, это скорее мои догадки, но скажи, что парень из местных, палестинец, случайно проговорился, что платят там хорошо, но девушкам приходится делать грязные вещи. Я сбежала из отеля, но при этом умудрилась прихватить с собой флэшку, где есть все данные на привезенных девочек, телефоны и транзакции на эту фирму, а еще счета, выставленные одной саудовской фирме. За мной охотятся, скорее всего именно из-за флешки, сама я для них особой ценности не представляю, потому что там еще одиннадцать девочек и все они красивее меня. Так и скажи. Флешку я спрятала, скажу ее местонахождение в полиции, когда доберусь домой. У меня нет паспорта, а теперь еще и полиция разыскивает. Я хотела отсидеться здесь и придумать, как мне вернуться на родину. Скажи, что я не буду выходить на улицу, звонить кому-либо, и даже если случайно попадусь – умру, но не выдам, где и у кого скрывалась. И если он меня сейчас выгонит, то просто обречет на страдания и позор, возможно, на смерть, потому что живым я им не дамся.

– Ты все запомнила? – спросила я девушку. Про само-

убийство, может, перебор, но, как говорится: «Остапа понесло». Мария кивнула и медленно, подбирая слова, начала рассказывать «мою историю» почтенному арабу. Про саудитов я ввернул специально, потому что был наслышан про нелюбовь бедняков иорданцев к богачам саудитам, «продавшим душу американцам».

Маджид слушал внимательно, лишь пару раз перебив Марию, видимо, задавая уточняющие вопросы. Когда Мария закончила, Маджид встал со стула – мне тоже пришлось встать – и, неожиданно для меня, он притянул меня к себе. Взял одной рукой за плечи, а вторую положив на голову. Это было нежно, по-отечески, это было не пошло, и я позволил старику меня обнять. Его заскорузлая рука, лежащая на моей голове, мелко подрагивала, я почувствовал это и понял, что старик плачет.

Мне стало совестно, что я обманул доверчивого араба, но в моем положении это была ложь во спасение. Мне действительно нужна была помощь, я на самом деле никого не убивал и мне грозила настоящая опасность. Немного отстранив меня от себя, старик нежно прикоснулся губами к моему лбу и заторопился к выходу, сказав Марии что-то на арабском. Его реакция полчаса назад и сейчас разительно отличалась: к нам ворвался рассерженный арендодатель, требующий объяснений, а сейчас нас покидал тот же старик, только с выпрямленными плечами и горящим взглядом из-под насупленных бровей.

– Он сказал, чтобы ты не беспокоилась, он никому не скажет. Сказал, что придумает, как тебе помочь, и скоро вернется. Просил никому, кроме него, не открывать, и чтобы мы сидели тихо, как вор в чужом курятнике. Последнее сравнение, наверное, было из местной поговорки, но смысл мне понравился: я уже неделю в чужом курятнике, хорошо хоть в петушатник не попал. «Да, приди старик на час раньше, и хрен бы придумалась у меня такая история», – отстраненно подумал я.

На слова, что он что-то придумает, я даже не обратил внимания: как мне сможет помочь араб пенсионер, у них-то и прав в своей стране кот наплакал, они себе не могут помочь, вот и живут в бедности. Они живут, довольствуясь малым, эти дети пустыни, наследники древней цивилизации, отдавшие свои недра и богатства на откуп транснациональным корпорациям. Но как оказалось, я ошибался, и вернувшийся через четыре часа старик был явно доволен. Улыбка светила его морщинистое лицо, а потирание рук свидетельствовало либо о крайнем возбуждении, либо о степени довольства.

Теперь рассказ следовал в обратном порядке: Маджид примерно минут пять что-то рассказывал Марии, она слушала, изредка задавая вопросы, на которые Маджид, как мне показалось, отвечал обстоятельно. Закончив общение, старик откинулся на спинку стула и замер в ожидании, пока я услышу его рассказ в русской версии. Мария отпила из стакана воды и начала мне переводить:

– У Маджида есть брат Мухаджир, младше его на пятнадцать лет, который занимается сельским хозяйством и продает свои овощи на рынке Аммана и в городе Эль-Мафрак, что расположен недалеко примерно в часе езды от города. На рынке Мафрака Мухаджир познакомился с неким Полем Труассо, который является заместителем директора Красно-го Креста на Ближнем Востоке. Поль Труассо, в свою очередь, является руководителем лагеря для сирийских беженцев «Заатари», который расположен в пятнадцати минутах езды от Эль-Мафрака. Так вот, с тех пор по вторникам Мухаджир привозит свои фрукты и овощи непосредственно в лагерь «Заатари», потому что господин Труассо платит хорошо и сразу, не надо целый день стоять на рынке под солнцем. В лагере «Заатари» Мухаджир несколько раз видел гуманитарные миссии, причем была и российская, хотя чаще американская и французская...

Идея Маджида заключалась в том, что если у меня нет паспорта и мне надо попасть домой, то российская гуманитарная миссия могла меня забрать, минуя официальные каналы. Тем более что, со слов Мухаджира, в лагере он не видел полиции, значит, устанавливать мою личность там некому, а если Труассо – подельник брата Маджида, то и вопрос, кем я назовусь, не имеет никакого значения.

Я несколько минут переваривал услышанное. Сама идея была неплоха. Если удастся навешать лапшу про паспорт нашим гуманитариям, меня смогут доставить в Россию на са-

молете, тем более что по словам Маджида, недалеко от лагеря есть полевой аэропорт, построенный американцами для доставки гуманитарных грузов. В принципе все казалось логичным, ведь вряд ли наши, которые помогают сирийским детишкам не умереть с голоду, оставят соотечественницу в беде.

Оставалось попасть в лагерь, дожидаться россиян, обмануть их, обойти таможенный и паспортный контроль, и я дома. Конечно, это не решало мою главную проблему, а именно, возврат прежнего тела, если оно где-то есть, а не гниет под землей, но над этим стоило подумать после. Допустим, доставят меня в Россию, а потом куда? Мне же придется пройти таможенный и паспортный контроль! Или мне удастся настолько запудрить им голову, что меня проведут как своего сотрудника? В это верилось слабо, но что-то рациональное в идее Маджида было. В любом случае, вероятность укрыться на территории лагеря для беженцев казалась привлекательной: при большом скоплении народа, при отсутствии четкой системы идентификации граждан, которую невозможно ввести, если беженцы идут толпами и без документов, это последнее место, где меня будет искать полиция.

– Мария, в этом что-то есть. По крайней мере, это лучшее в моей ситуации. Ни одна из идей, приходящих мне в голову, не стояла рядом по логичности и возможности. Если все, что говорит старик, правда, пожалуй, я рискну, потому что тупо сидеть здесь и ждать, пока меня найдут, альтернатива куда

хуже. Спроси у него, есть вероятность, что этот Трусы или Труассо меня просто не примут? Что в таком случае делать? Возвращаться сюда или просто пойти в полицию и сдаться?

Судя по фамилии, он француз, а к французам у меня есть очень большие претензии со времен Бородинского сражения и сожжения Москвы. Не верю я этим двуличным лягушатникам, и реакция этого Труассо меня беспокоит, как бы не сдал меня полиции. Мария перевела мои слова, Маджид что-то довольно долго объяснял Марии, которая по мере разговора светлела лицом.

– Он говорит, что у его брата довольно тесные коммерческие отношения с Труассо, и, хотя он прямо не сказал, я так поняла, что этот Труассо нечист на руку и покупает продукты по завышенной цене с последующим откатом. Он уверен, что господин Труассо не откажет брату в просьбе. А с братом он предварительно уже поговорил. Так как Маджид старший, то его слово равносильно приказу, который надо выполнять.

Маджид снова обратился к Марии, их диалог занял несколько секунд. Я пытался понять, что они говорят, но из всей их тарабарщины уловил лишь одно слово «баракат», что вроде означало «благодать».

– Завтра Мухаджир должен поехать в Эль-Мафрак, он попросит его встретиться с Труассо и переговорить. Маджид объяснит брату, что до руководителя лагеря надо четко до-

вести: его забота – принять тебя и не лезть в твои дела. Если Мухаджир почувствует, что Труассо нельзя доверять, план придется менять, – девушка закончила фразу.

– Но завтра только четверг, разве он не по вторникам ездит? – я вспомнил слова старика.

– Завтра он едет по делам, а с Эль-Мафрака до лагеря беженцев примерно десять километров. Думаю, заехать и переговорить не проблема, – перевела слова Маджида Мария.

– Окей! Все, что ни делается, все к лучшему. Я тепло улыбнулся старику и приложив правую руку к груди произнес: «Шукрат». Маджид улыбнулся в ответ и, сказав пару слов, среди которых я разобрал только «ИншАллах», заторопился к выходу.

Проводив старика, мы с Марией еще немного поболтали и, хотя я отказывался, она провела генеральную уборку в квартире: помыла полы, отдраила душевую и раковину. Я перемыл посуду, чтобы внести свою лепту, но Мария, оставшись недовольной качеством мойки, перемыла все заново. Мы сходили на обед неподалеку, но аппетит пропал. Теперь, когда замаячил тусклый свет в конце туннеля, ни о чем другом думать не хотелось. Через силу проглотив пару кусочков, попрощался с Марией, которой надо было возвращаться в Совайме.

Поднявшись на второй этаж, бросил взгляд на квартиру Маджида. Дверь была закрыта. Видимо, мой ангел-хранитель уже начал бурную деятельность. Славный старик ока-

зался куда благороднее многих соотечественников, встреченных здесь мною. «Да придет спаситель», мелькнула фраза из одноименного фильма про терминатора...

Глава 12. Томительное ожидание и отъезд

Порой каждому человеку, хочет он этого или нет, приходится пребывать в ожидании. В ожидании автобуса, телефонного звонка, любимого или любимой, в ожидании рождения ребёнка, в ожидании получения квартиры, в ожидании счастья, в ожидании чуда, в конце концов. Как говорится, каждому своё, всё зависит от нас самих. Люди всю жизнь чего-то ждут, вот только ожидание это кому-то даётся легко и просто, а кому-то очень тяжело.

Согласитесь, одно дело ждать своей очереди в супермаркете, чтобы приобрести необходимые товары, и совсем другое – не находить себе места у дверей отделения реанимации в ожидании результатов операции, сделанной вашему близкому родственнику. Однако мало кто задумывался и вообще знает, что сегодня в нашей стране существует такая категория людей, которым волей-неволей приходится ждать на протяжении долгих лет. Их судьба сложилась так, что они сами стали заложниками томительного ожидания. Кто-то из них шёл на это обдуманно, ясно представляя, что следует за такими решениями и поступками, а кто-то оказался в этом положении совершенно случайно, натворив дел в пьяном угаре или же в состоянии аффекта, хотя в последних случаях и это не может служить полным оправданием.

Давно замечено, что ожидание является одним из наиболее трудно переживаемых состояний. Оно отнимает у человека силы, энергию, даже здоровье. Причем нет слишком уж большой разницы в том, чего мы ждем. Хорошее событие, конечно же, ждать намного приятнее, чем плохое. Но его вполне можно не дожидаться. И тогда на замену приходит разочарование. Эта эмоция ничем не лучше беспокойства и страха, испытываемых в преддверии грядущих неприятностей. Но самое тяжелое из всего, это ожидание неизвестности, которое точит вам душу, разъедает изнутри, заставляет сомневаться в правильности ранее принятого решения.

Так было и со мной. Оставшись один, я сотни раз прокручивал наш разговор, снова и снова вспоминал детали плана и находил в них множество неизвестных. Еще вчера казавшееся таким оптимальным решение об отъезде сегодня вызывало кучу вопросов: кордоны полиции по дороге, боязнь европейского чиновника перед законом и последующая выдача меня полиции, отсутствие гарантий приезда российской делегации. И наконец, памятуя о бездушии наших чиновников на Родине, можно ли было мне ожидать от них гуманности за пределами страны? Готовы ли они рискнуть своей работой, чтобы помочь несчастной девушке, попавшей в беду или просто вытрут о меня ноги? Сомнений и вопросов в голове с каждым часом становилось больше, уверенности в правильно принятом решении все меньше.

Весь четверг я слонялся по маленькой квартирке как за-

ключенный. Медленно отстукивали секунды, еще медленнее тянулись минуты, час вообще показался вечностью. Сначала я ждал, что Маджид появится после полудня, потом ожидал его прихода сразу после, но он появился лишь поздно вечером. По его лицу было понятно, что новости хорошие, но, так как я не понимал ни слова из его речи, мне пришлось звонить Марии, чтобы потом, взяв у него трубку, услышать, что господин Труассо благосклонно отнесся к тому, что некая русская туристка, потерявшая паспорт и вырвавшаяся из рук злодеев, проведет какое-то время в его лагере, ожидая гуманитарной делегации из Российской Федерации.

После ухода Маджида я снова и снова стал прокручивать все возможные варианты: то, что в составе русской делегации смогу вернуться домой, я почти не сомневался. Оставался вопрос, как меня встретят дома, проглотят ли мою «легенду» и смогу ли избежать пристального внимания спецслужб и пограничников? Намеренно пропускал вариант, что могу получить отказ на этапе первого контакта с делегацией: во-первых, мне казался маловероятным факт, что мне откажут в помощи, во-вторых, я просто не хотел об этом думать, иначе все мои хлопоты и ожидания шли прахом. Нельзя рассчитывать на успех, если начинаешь сомневаться по каждому пункту. Здесь я, наверное, мыслил, как типичная блондинка.

Я вспоминал все известные мне случаи нелегального пересечения границы, даже вычитанное давно, что вывозимых гримировали под покойников, помещали в специальные гро-

бы с вентиляцией и вывозили из чужой страны. Но там действовали спецслужбы и у них, вероятно, были свои нюансы и разработки, неведомые мне.

В любом случае, проблемы следовало решать по мере поступления, сейчас приоритетной задачей было попасть в лагерь и освоиться там в ожидании делегации из России. Обратиться к ним, попытаться улететь с ними домой – эту задачу предстояло решать при очном знакомстве, по ситуации. А что, если... вновь крутилось в голове. Так и не найдя ответов на все эти вопросы, я поужинал и, полежав около часа, пялясь в телевизор и сыграв несколько партий в «дурака» на айфоне, отправился в объятия Морфея.

В пятницу промаявшись до обеда, рванул в соседний магазинчик за хлебом и яйцами, едва дождавшись, когда Азаны со всех мечетей стали призывать мусульман к полуденной молитве. Сидеть дома взаперти, несмотря на строжайший наказ Маджида, было не вмоготу. Улица практически опустела, большинство магазинчиков закрылось, работал лишь самый ближайший к нам: то ли хозяин был не настолько правоверным мусульманином, то ли желание заработать было выше, но магазинчик работал.

Помня, что мое лицо показывали по телевизору, я переоделся в традиционную арабскую одежду. Шаровары на мне, по моему мнению, смотрелись нелепо, но они не стесняли движений, а большое черное платье абаи вкупе с головным платком превратили меня в арабку, неотличимую от мест-

ных жителей. Выдать меня мог лишь цвет кожи, лица и глаз. Осмотрел себя перед зеркалом: надо немного опустить плечи, арабские женщины ходят немного сутулясь, проявляя тем самым почтение к мужскому полу и покорность судьбе.

Выйдя на улицу, осмотрелся: только редкие прохожие, не считая ребятишек, что, пользуясь отсутствием машин, играли на тротуаре и дороге. Засеменил к открытому магазинчику, стараясь смотреть под ноги, как местные женщины. Не поднимая головы и не смотря на продавца, пальцем указал на резаный хлеб в упаковке и две упаковки по десять яиц. Положив на прилавок десять динаров и получив сдачу пять с мелочью, я не мешкая вернулся в квартиру, не замеченный никем и не привлекая к себе внимания. Очень хотелось просто прогуляться, пройти пару кварталов и посидеть на скамейке в тени пальм, но это был риск, и риск неоправданный. Хотя вся вылазка не заняла больше пятнадцати минут и лишь на сотню метров, сердце колотилось в груди, как у зайца после погони.

Спустя час улица оживилась, из моего окна на кухне мне было видно, как открываются магазины и поток пешеходов и машин возрастает в разы. Сновали разносчики еды, катили свои тележки продавцы зеленью, направляясь к базару. Пятница в Иордании – выходной день, работать и торговать можно лишь после полуденной молитвы...

Когда наступил вечер, я был готов лезть на стенку от ску-

ки. Снова поиграл в смартфоне в мини-игры, даже попробовал позаниматься физически, но мышцы были слабыми, и после нескольких повторений упражнений я чувствовал себя опустошенным и обессиленным. Я считал минуты, с ужасом переводя в часы оставшееся до отъезда время, понимая, что, если выйду и нарвусь на неприятности, винить будет некого. Приходилось ждать. Никогда в своей жизни ожидание не тянулось так томительно: ни тогда, когда ждал дембеля с армии, ни тогда, когда поступал в техникум и оценки за экзамены были перенесены на трое суток.

Я максимально протянул время, чтобы поужинать позднее и после, попереключав каналы и с полчаса послушав душераздирающую музыку местного разлива, с чувством достойно прожитого дня отправился спать. Ночью снились кошмары: я все время от кого-то убегал, при этом я был парнем, но почему-то убегал: убегал от полиции, но полиция была российская, убегал от жены, которой у меня не было, убегал от Андрея, который бежал за мной, крича, что я обманул его с машиной и она оказалась битая. Просыпался, но в окошке по-прежнему было темно. Поворочавшись, снова засыпал, чтобы проснуться через полчаса. Эта ночь, казалось, не закончится никогда.

Утро было повторением прошедшего утра: душ, завтрак, уборка посуды. От мытья полов заняла поясница, так как швабры не было, пришлось ползать на карачках, поднимая попу. Посмотрел бы я на себя со стороны, если бы мог, мо-

жет, и не так скучно показалось бы медленно идущее время. До обеда валял дурака, играл на смартфоне, смотрел каналы: попалась передача про верблюдов, немного отвлекла, помогла скоротать полчаса.

В субботу ближе к обеду приехала Мария и принесла неутешительные вести: полиция допрашивала ее еще раз и теперь более настойчиво. Если всех других сотрудников опрашивали всего по полчаса, то ее держали около трех часов, грозя депортацией, если она что-то знает и скрывает. Мария была напугана, но понимание того, что моя жизнь в опасности, укрепляло ее, и она смогла не податься на угрозы и не проронила ничего, что могло бы привести ко мне. В отель приезжали из российского консульства. Но сама девушка никого не видела и не знала об этом ничего конкретного.

Полиция также приезжала в Совайме, где поговорила со старушкой, которая сдала мне квартиру, но бабулька меня видела мельком, разговоры с ней вел Рахим. Кстати, Рахим, со слов Марии, также пытался выудить у нее сведения обо мне и, как подозревала Мария, это было под давлением полиции. Мария в этот раз не задержалась, принесла мне несколько упаковок айрана и творог, расхваливая эти продукты. Я попросил Марию обменять четыре тысячи динаров на доллары, с учетом того, что доллары более универсальная валюта и, возможно, они мне понадобятся в России.

Мария отсутствовала недолго, вернулась и принесла

шесть тысяч триста долларов, что меня несколько удивило. Но, загуглив, я понял, что курс был грабительским и я потерял по крайней мере тысячу долларов при обмене. После ухода Марии минуты вновь потянулись невыносимо долго. Несколько раз порывался переодеться в арабскую одежду и просто погулять по городу, чтобы убить время. Останавливал риск быть разоблаченным, если ко мне обратятся на арабском языке, хотя разговаривать без весомой причины на улице с женщинами здесь не принято. Но взвесив все за и против, вновь решил не рисковать, нельзя было мелочью испортить запланированный отъезд.

В понедельник и вторник Мария должна была работать, но она обещала поменяться, если позволит хозяйка магазина, и вернуться во вторник с утра. Планируемый отъезд был назначен ближе к одиннадцати часам, ехать всего час-полтора, поэтому Мухаджир, со слов Маджида, так решил. В воскресенье и в понедельник я чуть с ума не сошел: не помогали ни телевизор, ни смартфон. Даже физические упражнения отвлекали ненадолго. Несколько раз пожалел, что не попросил Марию привезти спиртное: но, вспомнив последнюю попойку, решительно отменил такие мысли. Увидит меня Маджид выпившим и передумает помогать.

Я часами сидел на подоконнике на кухне, разглядывая жизнь на улице, затем мерил комнату, перебирал свою одежду, в сотый раз все перекладывая. Ночью в понедельник не

мог уснуть несколько часов, временами засыпал, но испуганно просыпался, вообразив, что Мухаджир уехал без меня, что я не услышал стук в дверь, что меня не смогли добудиться. За эти несколько дней я стал крайне дерганным, ел мало, спал плохо. Ко всему присоединилось расстройство кишечника на нервной почве. Утром пришлось немного затянуть лифчик. Если так дальше пойдет, стану похожим на анорексичку.

«Господи, дай мне силы дотерпеть этот последний день, прошу тебя»! Лишь когда на востоке стала сереть полоска неба, я провалился в крепкий сон. Проснулся я в девять, до времени назначенного отъезда было примерно два часа. Теперь, когда оставалось всего ничего, закрались сомнения, правильно ли я поступаю. Что ждет меня в этом лагере, где массовое скопление людей, переживших войну, обозленных на всех и вся? Вряд ли это самое лучшее место для молодой, одинокой и симпатичной девушки. Не совершаю ли я очередную ошибку, торопясь примерить новую беду. Может, там вспышки инфекционных болезней? Видел один раз передачу про похожий лагерь в Африке, где один народ загнал в резервацию другой, мирно уживавшийся с ним веками. До сих не могу забыть лица детей, умиравших от болезни, с впалыми животами, с ребрами, на которых можно изучать анатомию при жизни. И чувство безнадежности и отчаяния в глазах матерей, смотрящих на своих умирающих детей.

Чтобы отвлечься, я сделал небольшую разминку, поприсе-

дал, порастягивался, и несколько раз отжался. Вещи со вчерашнего вечера были уложены в чемодан, но подумав, я решил сменить свою одежду на арабскую.

Приняв душ и позавтракав, я набрал Марию:

– Привет, ты сможешь приехать сегодня? Присутствие девушки мне придавало уверенности, хотя сама Мария была трусихой.

– Я уже еду, – ответила девушка сквозь посторонний шум, в котором можно было узнать звук двигателя автобуса.

– Будь осторожна, помни о возможной слежке, – я отключил телефон, не дожидаясь ответа девушки. Если представить совсем уж фантастический вариант развития событий, что телефон Марии на прослушке, то я не хотел давать времени слушающим определить свое местонахождение. Про то, что телефон можно вести дистанционно и даже в выключенном состоянии, я предпочел не думать. С другой стороны, не такая я важная птица, чтобы на мои поиски привлекали серьёзные силы и технические средства. Местной полиции, наверное, и вообще на меня дела нет, не дави на них туристическая компания, несущая ответственность за Александра, не шевельнули бы и пальцем. Возможно, не заинтересуйся этим делом посольство, оно отправилось бы в корзину для мусора.

Мария появилась через час. Сегодня она выглядела наряднее обычного. При ее виде у меня сжалось сердце, мне предстояло уехать от этой чрезвычайно милой и доброй де-

вушки, которая оказалась единственным другом в чужой стране. Эта девушка не испугалась, хотя была трусихой, не поддавалась на угрозы и нашла возможность в рабочий день приехать проводить меня, чтобы я не чувствовал себя одиноким.

– Маджид не появлялся? – с порога спросила она, обнимая меня.

– Нет, думаю, пока рано, – я помог Марии, взял у нее сумку с продуктами, – зачем столько много? Я же все равно сегодня уезжаю. Куда мне все это тащить, не зная, как я там размещусь, не зная, есть ли там холодильник. Я скорее ворчал, хотя был благодарен девушке за заботу.

– Неизвестно чем там кормят, надо взять с собой запас на пару дней. Мария начала выкладывать продукты из сумки. Я же, убрав в свой чемодан все, что могло мне пригодиться, со вздохом стал облачаться в арабскую одежду. Надо было привыкнуть, ведь мне предстояло ехать в лагерь именно в ней.

Мария прыснула со смеха, когда перед ней предстала новоявленная арабка.

– Ты слишком высока для арабки, – заявила она, – они все шупленькие и мелкие до замужества, однако, как родят, сразу раздаются вширь, их легче перепрыгнуть, чем обойти. Вот так, перебрасываясь шутками и попивая кофе, мы убили часа полтора, когда раздавшийся звонок не возвестил, что у нас гости, причем гости, нами ожидаемые.

На пороге стоял наш сосед Маджид и его почти точная омоложенная копия, брат Мухаджир. Мухаджиру на первый взгляд было лет пятьдесят. Грубое обветренное, практически безбородое лицо, если не считать маленького островка щетины на подбородке, руки труженика, все в мозолях. Одетый скорее по-европейски, нежели по местному этикету, Мухаджир был немного выше своего брата и, возможно, поэтому сутулился. Но было одно отличие: глаза Мухаджира были глазами торговца и афериста. Не будь он братом Маджида, я бы не осмелился доверить ему себя в этой поездке.

Они оба прошли в комнату и, при участии Марии, мы снова повторили наши действия по пути в лагерь беженцев. Я должна была изображать дочь Мухаджира, а чтобы меня не вычислили, я должна была изображать немую с рождения, поэтому мне категорически было запрещено пытаться разговаривать в случае проверки. После того, как мы дважды прошлись по сценарию, и от меня было получено четкое заверение, что я слепа и нема во всем, что касается общения, Маджид прочитал коротенькую молитву и, проведя руками по лицу, поднялся. Он что-то отрывисто сказал брату и вышел в дверь. За ним, взяв в руки мой чемодан, спустились мы все. Мухаджир замыкал наше шествие, он же закрыл квартиру и передал ключ брату.

Пройдя метров сорок, мы свернули в проулок, где стояла машина продавца зеленую. Это был фургончик, кажется

Isuzu, состоящий из полуторной кабины на пять мест и грузового каркасного отсека, обтянутого тентом. Мой чемодан Мухаджир поставил во втором пассажирском ряду, а мне открыл пассажирскую дверь первого ряда, рядом с собой.

– Я думал, у них женщинам не принято садиться спереди, – обратился я к Марии.

Арабы – это целый отдельный мир, со своими законами и обычаями, и нет хуже врага, чем оскорбленный араб. Он будет долго выжидать и непременно отомстит, когда сам обидчик уже давно забудет про нанесенную обиду. Поэтому я старался не нарушить невзначай местные обычаи, не хватало еще ко всем моим проблемам получить затаившего обиду врага.

– Это касается жен, дочерям такое не запрещается, – сразу ответила мне Мария и перевела мои слова для арабов. Они заулыбались и Маджид, подойдя ко мне, нежно притянул меня к себе: я уткнулся носом в плечо старика. От него пахло специями и какими-то восточными благовониями. Этот старик серьезно изменил мое отношение к арабам: до знакомства с ним я считал их вредными, падкими на лесть мужчинами, готовыми обязательно тебя обдурить и воспользоваться ситуацией. Иногда достаточно одного человека, чтобы коренным образом изменить мнение о народе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.